Вторая жизнь Эми Арчер

Автор:
Р. Пейтман

Вторая жизнь Эми Арчер

Р. С. Пейтман

Самый страшный для человека удар судьбы – прожить дольше собственного ребенка. Но много страшнее этого – когда ребенок исчезает бесследно. Эми, десятилетняя дочь Элизабет Арчер, пропала в ночь Миллениума. Поиски не принесли результатов – девочку не нашли ни живую, ни мертвую. С тех пор жизнь для ее матери превратилась в ад. Пока однажды – в новогоднюю ночь, десять лет спустя – в опустевшем доме Элизабет не появились женщина и девочка, удивительно похожая на пропавшую Эми…

Р. С. Пейтман

Вторая жизнь Эми Арчер

R. S. Pateman

THE SECOND LIFE OF AMY ARCHER

Copyright © R. S. Pateman 2013

All rights reserved

© О. Полей, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА

1

Иногда я вижу на карусели ее неясные очертания… Слышу ее смех, когда она катится с горки… Но на самом деле Эми там нет – просто не может быть. И горки нет, и качелей.

Городские власти снесли скрипучие качели и карусели и оборудовали современную площадку: нормальные качели с закрытыми сиденьями, новые карусели, фонтан и яма с песком, над которой протянулись мостики и канаты. Чтобы играть было и интересно, и безопасно.

Новую площадку перенесли в дальний конец парка, поближе к кафе. Теперь родителям можно поговорить и выпить капучино, пока дети качаются, крутятся на каруселях и копаются в песке.

А у меня отняли то место, где видели Эми в последний раз.

Старую площадку, которую Эми знала и любила, залили бетоном, разбили на несколько частей и оборудовали для игр с мячом. Бетон расчерчен линиями и кругами, словно кто-то рассыпал там школьный набор геометрических фигур.

Похоже, никто не знает, зачем эти площадки нужны: я ни разу не видела, чтобы там играли. Во всяком случае, в мяч.

Сегодня – как всегда.

Под гнутыми баскетбольными кольцами без сеток, склонившись над мобильными телефонами, курит стайка подростков. Подхожу к ограде – поднимают головы.

Крепче сжимаю в руке букет. Целлофан хрустит.

Стараясь не замечать взглядов, наклоняюсь и прислоняю букет к ограде, сверкающей синей краской. Она тоже новая, не покосившаяся, как прежняя. И покрепче, надеюсь. За ней дети в безопасности.

Снимаю перчатки и вставляю в букет карточку. «Дорогой моей девочке. Прости… Вечно любящая тебя мама. ххх».

Складываю ладони, склоняю голову. Слова расплываются в морозном воздухе – облачка молитвы испаряются, совсем как Эми.

Встаю, держась за ограду, и натягиваю перчатки. Думаю о том, уберут ли цветы парковые служители завтра утром, как в прошлом году. А может, они и до утра не дотянут.

Букеты на фонарных столбах, отмечающие места дорожных катастроф, висят, пока не засохнут стебли, а целлофан не посереет и не потрескается. Они не только дань памяти, но и предостережение об опасности на дороге. Мой букет – тоже, хотя опасность, от которой он предостерегает, не так явна, как летящий на скорости автомобиль, и родителям не очень-то легко объяснить, чего остерегаться.

В конце тропинки останавливаюсь и оглядываюсь. Если бы тогда, десять лет назад, на этом самом месте я оглянулась, если бы следила за ребенком, как до?лжно матери…

Один из подростков насмешливо машет мне рукой. Остальные перешептываются, скаля зубы. Я еще не успею уйти из парка, а цветы, скорее всего, уже будут футболить по всей площадке или швырять в баскетбольные кольца. От лепестков россыпь геометрических фигур на бетоне будет смотреться еще более дико.

Холод пощипывает лицо. Мороз превратил ветви платанов в призрачные силуэты, а теннисные сетки – в сверкающую паутину. Часы на церкви Святого Марка бьют десять.

До встречи еще час. Можно успеть выпить кофе – только не в парке. Не могу даже проходить мимо площадки, не то что сидеть там и слушать детские крики и ссоры. Ссадины, царапины, слезы… Исцеляющие объятия… Невыносимо даже в обычный день, а сегодня день особенный.

Поднимаю повыше воротник пальто и иду к воротам парка.

Открываю дверь. Секретарша за стойкой администрации поднимает голову. Похоже, новенькая – не видела ее раньше. Улыбка быстрая, деловая.

– Чем могу помочь?

– Бет Арчер, – представляюсь я, расстегивая пальто. – У меня встреча назначена на одиннадцать.

Она опускает взгляд к лежащему на столе расписанию. Обкусанные ногти скользят по написанному вручную перечню имен.

– Да, верно. К Иану Пойнтону, на одиннадцать. – Снова улыбается. – Он у нас новенький.

– Да, – говорю. – Я знаю.

Я сомневалась, стоит ли записываться к этому Иану. На сайте фотография: мальчишеское лицо, волосы подстрижены по-школьному. На вид слишком молод, чтобы быть настоящим специалистом в чем бы то ни было, а тем более – чтобы беседовать с мертвыми.

Сомнения подпитывают невольно закрадывающийся в душу скептицизм, который уже несколько лет сопутствует моим ежегодным визитам. Я старалась подавить его. Но… Хочется верить, что Эми все же сумеет ко мне пробиться. А еще хочется, чтобы мои надежды на экстрасенсорику оправдались, и желательно – нет, нужно, – чтобы Брайан с его цинизмом оказался неправ.

В первый раз, вскоре после того, как Эми пропала, я уговорила мужа пойти со мной.

– Если не ради меня, то ради Эми. Она ведь и твоя дочь.

Ожидая приема, он сидел, пыхтел, сопел, выстукивал что-то ногой по полу и бормотал себе под нос, что все это надувательство и пустая трата времени. Потом, когда мы вошли, вел себя не лучше: не захотел даже пожать руку маленькой старушке с белыми волосами, которая пригласила нас в комнату.

Она представилась как Эдна Хасси и попросила нас сложить руки в безмолвной молитве, пока она вызывает своего духа-наставника, Акару. Брайан фыркнул, но небрежным жестом соединил пальцы.

– Ничего не могу уловить. Кроме отторжения, – сказала Эдна.

Она закатила глаза, сосредоточиваясь, и потеребила пальцем слуховой аппарат в левом ухе. Брайан предположил: пора менять батарейку. Когда «провидица» так и не смогла сказать ничего определенного, он насмешливо посоветовал ей сменить частоту настройки.

– Тогда у вас все будет работать не хуже, чем мой бредоуловитель, – сказал он и вышел за дверь.

Я торопливо пробормотала извинения и выбежала следом. Но назначила еще одну встречу на следующей неделе. А через месяц – еще одну. И так целый год – каждый месяц.

– Если бы экстрасенсы давали постоянным клиентам скидки, как авиакомпании, ты бы уже могла бесплатно облететь вокруг света, – говорил Брайан. – Или их призовые мили действительны только для астральных полетов?

Он говорил, что из-за этого я только застреваю в прошлом, не могу избавиться от него и жить дальше. Мой психотерапевт повторял то же самое.

Но я не могла отпустить Эми, не могла расстаться с ней окончательно. Один раз я уже бросила дочь, и это стоило ей жизни, хотя, конечно, тела до сих пор не нашли. Второй раз я ее не брошу. Буду ждать – вдруг она захочет достучаться до меня с той стороны?

Если уж выбирать день, когда у меня больше всего надежды услышать голос Эми, то это годовщина ее исчезновения. Поэтому я пообещала Брайану, что буду ходить к экстрасенсам только раз в году.

– И этот-то раз лишний, – говорил он. – Рана только-только начнет затягиваться, а ты расковыряешь корочку, и она снова откроется. Вот уж не думал, что ты мазохистка.

– А я не думала, что ты садист.

– Это не я делаю тебе больно, Бет.

– Но сделаешь, если не будешь отпускать.

Мне и не нужно было разрешения. Могла бы ходить втихомолку, Брайан бы даже не узнал. Но необходимость скрываться сделала бы все грязным и жалким, словно я творю нечто постыдное. А еще нужно было, чтобы муж признал: мое горе может проявляться и так, пусть даже он этого и не одобряет. Мои ежегодные походы к экстрасенсам были вынужденным компромиссом, который в конце концов разрушил наш брак. Одним из компромиссов, во всяком случае.

За годы я перевидала множество экстрасенсов: пухлого коротышку, от которого так несло кислятиной, что в маленькой комнате было не продохнуть; шотландку с глазами-бусинками, что в любую погоду ходила в одних и тех же блузке и юбке; бывшего шахтера, загубившего себе легкие никотином и угольной пылью. Каждый предлагал свое: абстрактные советы уехать в Америку, предупреждения, что мне следовало бы поберечь спину и проверить зрение, шутки по поводу того, что я слишком много хлопочу по хозяйству. Во всем этом была доля истины, или мне так казалось.

Но ни один из них не смог установить контакт с Эми.

– Им не хватает порядочности, даже чтобы соврать. – Брайан постучал по клавиатуре ноутбука на кухонном столе. – В смысле, еще чуть приврать в придачу ко лжи об экстрасенсорных способностях. – Он покачал головой. – Они же наверняка знают, кто ты и зачем пришла. Всего-то и нужно было сказать, что Эми хорошо, что она смотрит на тебя и по-прежнему тебя любит. Так их даже на это не хватает. Или просто не хотят. – Муж хмыкнул. – Предсказатели… Нашли

себе красивое слово. И правда, «вымогатели» звучит как-то не очень.

– Вот я и продолжаю туда ходить именно потому, что они не врут, – ответила я. – Ты прав, им очень легко было бы сказать то, что я хочу услышать, и тем самым упрочить свою репутацию, но они не врут. Почему?

– Вот ты и скажи почему.

– Из честности.

– Это экстрасенсы-то? Не смеши! – Он встал и поцеловал меня в лоб, туда, где должен быть «третий глаз». – Бет, они видят в будущем только одно: как ты снова приходишь и приносишь им деньги. Но если тебе кажется, что это помогает…

Это помогало. И до сих пор помогает. Не знаю почему. Как бы то ни было, я прихожу к ним снова и снова – азартный игрок, которому позарез нужно еще разок бросить кости, и – может быть, может быть – на этот раз он сорвет джек-пот.

Вера с каждым разом убывает. И все же я надеюсь, что у Иана получится. Если верить биографии на сайте, у него новый, свежий подход. Может быть, это и нужно Эми.

Пусть она появится сегодня! Пусть заговорит. Сделает так, чтобы я услышала ее…

Девушка за стойкой администрации просит меня подождать перед дверью двенадцатого кабинета.

– Это прямо по лестнице, – говорит она, – сразу за…

– Спасибо. Я знаю дорогу.

Она еще раз коротко улыбается, и я поднимаюсь по лестнице. Наверное, никто не ходит сюда так часто, как я. Может быть, другие посетители тоже не слышат того, что хотят, и быстрее распознают обман.

Белая краска, которой выкрашен узкий коридорчик, вся зашаркана рукавами и ботинками – вероятно, в основном моими. Полысевший местами ковер весь затоптан. Стулья, стоящие у каждой двери, пусты. Двери закрыты.

На двери с номером 12 висит табличка, уведомляющая, что внутри идет сеанс, «просьба не мешать». Еще одна надпись призывает посетителей соблюдать тишину.

Дверь открывается, выходит молодая женщина – с горящими глазами, сияет воодушевлением. Обматывает шею шарфом и заправляет за ухо прядь волос.

– Спасибо еще раз, – говорит она через плечо и закрывает дверь. – Он просил не заходить пока, подождать несколько минут. – (Я киваю.) – Он замечательный, – шепчет женщина. – Сразу увидел, что я беременна. Мальчик, говорит.

Она жмурится от удовольствия. Я стараюсь выдавить улыбку в качестве поздравления.

Смотрю на ее живот: плоский, ничего не разглядишь. Может, экстрасенс просто «ткнул пальцем в небо» и догадка оказалась верной. В целом. Детали ведь пока не проверишь.

Женщина уходит. Походка у нее легкая. Я завидую ее полной убежденности в том, что она услышала правду. Уже сам факт, что ей сказали хоть что-то существенное, раздражает.

Дверь открывается так резко, что я вздрагиваю.

– Извините! – произносит мужчина. – Не хотел вас напугать. Входите.

Он отступает в сторону, чтобы дать мне пройти. Меньше ростом, чем я ожидала, но глаза такие же голубые, как на фотографии, – льдины, а не глаза, один посажен чуть выше другого, и от этого взгляд странно преломляется. Если чей-то взгляд и может достичь небес, так это его.

– Я Иан, новенький. – Хозяин кабинета садится за маленький столик и указывает на стул напротив. – Вы здесь уже бывали? – (Я киваю.) – Значит, в курсе, как это

работает? Насчет…

– Никаких гарантий. Знаю.

Даже я слышу в своем голосе нотку безнадежности. Для экстрасенса это должно звучать подозрительно, словно я пытаюсь заставить его доказать: он на самом деле на что-то способен. Пожалуй, так и есть.

Чувствую, как в душе сгущается тень сомнения. Дело не в нем – не в его ясновидении я сомневаюсь, а в том, что с мертвыми вообще можно говорить.

Раздраженно поеживаюсь. Я зла на Брайана, на Иана, на собственную недоверчивость. Зла на себя за то, что все еще надеюсь оказаться неправа.

Иан пододвигает свой стул ближе. Лицо у мужчины чистое, кожа гладкая, бледная, словно восковая. Только когда он улыбается, появляются тоненькие-тоненькие морщины. Экстрасенс похож на мальчика из церковного хора, даже голос такой же мелодичный. Я достаю из сумочки переносной кассетный магнитофон.

– Давненько таких не видел, – улыбается Иан. – Сейчас почти у всех цифровые диктофоны.

Я сразу чувствую себя старой и несовременной. Незащищенной.

Медиум наклоняется ко мне:

– Готовы?

Киваю. Он берет меня за руку.

Подход у него не то чтобы новый, просто более прямолинейный. Кто такой Артур? Кто собирается купить новую машину? Почему мне показывают пучок вереска? Чувствую, он забрасывает удочку наугад. У меня нет ответов, которые без осечки цеплялись бы за его крючок.

– Принимаете это? – спрашивает Иан после каждого вопроса, когда я пожимаю плечами.

Даже в этом он прямолинейнее, чем другие экстрасенсы. Те говорят: «пока просто запомните» или «возможно, смысл откроется позже». Этот требует отклика, участия, словно ободрения ждет. А я каждый раз в ответ на вопрос, принимаю ли я это, пожимаю плечами.

Он покашливает и закрывает глаза. Дышит глубоко, сосредоточенно. Затем меняет тактику: начинает говорить что-то о рассеивающейся тьме, о зыбучих песках, о проблемах, лопающихся, как мыльные пузыри, – и все мягким, мелодичным тоном.

Он видит знак «Продается», предупреждает о важном повороте судьбы, который должен случиться весной, но не уточняет, что это за поворот и в каком году будет весна, убеждает принимать больше пищевых добавок для моих якобы слабых суставов.

Я уже не слушаю, киваю, догадываясь по тону «провидца», что он ждет ответа, и тайком поглядываю на часы. Когда он спрашивает, нет ли у меня конкретных вопросов или проблем, в которых необходима помощь, я отвечаю «нет» – как всегда. Он должен сам увидеть, без подсказок. Должен убедить меня поверить.

– Ну как? – спрашивает Иан, когда полчаса подходят к концу. – Помогло?

– Спасибо. – Я выключаю магнитофон и кладу его обратно в сумку.

Он открывает дверь, улыбается и говорит, что надеется увидеть меня снова. Когда я прохожу мимо, кладет руку мне на плечо. Голова мужчины склоняется набок, он неотрывно смотрит в верхний угол, под потолок, – странно, будто не видит ничего.

– Она уже близко. Девочка. Близко.

Пол уходит у меня из-под ног. Я так долго ждала чего-то – хоть чего-нибудь, – что можно хоть как-то связать с Эми. И вот оно, наконец-то! Меня переполняет удивление и облегчение. Чувствую: мое упорство было не напрасным, радуюсь,

что не подвела дочку на этот раз. Но в то же время ощущаю и нечто иное. Страх.

До сих пор я боялась, что она не пробьется ко мне. Теперь боюсь того, что она может сказать, боюсь узнать правду.

Хватаюсь за дверь, чтобы не упасть.

– Кто? – спрашиваю я, не в силах дышать.

Иан прищуривает глаза, склоняет голову к другому плечу. Настраивается.

– Мне показывают имя. Погодите… Четыре буквы. – Он кивает и открывает глаза. – Извините. Все исчезло. Алма? Имми? Элли, может быть? Принимаете?

Парень взволнован, словно очень хочет хоть что-то угадать – не ради меня, а ради себя самого.

Но он не угадал. Сказал бы – три буквы, а не четыре, я бы ухватилась за это и настояла на продолжении сеанса. Но медиум даже это не угадал. Разочарование гасит едва мерцающий огонек веры.

Улыбка девушки на стойке администрации натянутая, понимающая. Закрывая за собой дверь, я знаю, что никогда больше не вернусь сюда.

Воздух на улице хрусткий, морозный. Глубоко вдыхаю. От холодного чистого воздуха кружится голова.

Дома на автоответчике ждет сообщение от Джилл – напоминание о предстоящем новогоднем сборище.

– Ничего особенного, – говорит она, – просто несколько друзей, еда из «Эм энд Эс» и пара бутылок шампанского. Знаю, вы, скорее всего, предпочтете остаться дома. Понимаю почему. Если же вам захочется чего-то новенького – ну, развеяться, что ли, – жду с радостью.

Удаляю сообщение. Я не вынесу вечеринку – формальную или дружескую, все равно. У меня свой новогодний ритуал: цветы на детской площадке, встреча с экстрасенсом, приступ лихорадочной уборки и рыдания – такие громкие, что заглушают полуночные хлопки и взрывы петард на набережной Темзы. О другом и думать не могу – это было бы неуважением к памяти Эми.

Снимаю трубку телефона, набираю номер Брайана: еще одна часть предпраздничного ритуала. Он отвечает на второй или на третий звонок.

– Бет. Я так и думал, что это ты.

Тон ровный, будничный. Безрадостный. Я одна из его предпраздничных обязанностей. Вроде мусорного ведра.

– Как дела?

– Я… – Еле сдерживаю слезы.

– Ох, Бет, ну ради бога!

– Десять лет, Брайан, десять лет…

– Знаю. Я не забыл.

– Я и не говорю, что ты забыл.

Молчание. Он будто считает до десяти, дает мне время прийти в себя. Фоном слышится поп-музыка и девичий смех. Его новая семья радостно готовится встречать Новый год.

– Похоже, у вас там веселье, – говорю мрачно.

– Да нет. Просто девочки дурачатся, MTV смотрят.

Девочки. Не одна, а целых две дочери. Хоть и приемные. Замена Эми.

Крепко сжимаю телефонную трубку. Я не должна на них злиться, но злюсь.

Вместо того чтобы поставить в парке скамейку в память Эми, как мы договаривались, Брайан арендовал студию звукозаписи. Девочки из школьного хора записали CD: песни из фильмов и классические поп-мелодии, в том числе ее любимой группы «Spice Girls».

– Это лучше скамейки, – сказал он. – Эми бы понравилось.

Посвящение ей на обложке CD затерялось под названием хора и именами исполнительниц, первыми в списке которых шли его дочери. Песня «Spice Girls» была даже не из самых любимых у Эми, а ее название больше походило на указание от Брайана: «Stop».

– Надо идти, – говорю я. – С Новым годом.

Вешаю трубку, пока бывший муж не успел ответить на мой сарказм каким-нибудь едким замечанием.

Иду на кухню. Включаю «Радио-4», натягиваю резиновые перчатки. Вооружившись флаконами с отбеливателем и полиролью, губками и тряпками, прохожусь по каждой комнате. Дом большой, даже для троих был великоват, а для одной – тем более. Но я отсюда не уеду. Здесь я ближе к Эми. Моя память о ней – такая же неотъемлемая часть этого дома, как потолки и стены.

После развода Брайан думал, что я продам дом. Красивая вилла в викторианском стиле, из красного кирпича, всего пять минут пешком до метро, несколько хороших частных школ поблизости, а я могла бы выбрать что-нибудь поменьше, полегче с точки зрения ухода и не обремененное воспоминаниями.

– Воспоминания-то и не хочется терять, – сказала я.

– Ты можешь забрать их куда угодно. Эми всегда будет с тобой.

– А я всегда буду ждать ее.

Если – в самом невероятном, счастливом случае – Эми еще жива, я должна сделать так, чтобы она могла легко найти меня, если станет искать. А значит, на моем доме не будет вывески «Продается», что бы там ни разглядел в будущем экстрасенс.

Спрыскиваю, тру и полирую, пока руки не начинает ломить и лоб не покрывается испариной. Дом уже весь пропах химией, внутри стоит одурманивающий туман запахов лимона, лаванды и сосны. Пылесос добавляет легкую базовую ноту теплой пыли и резины.

Немного задерживаюсь в комнате Эми, хотя физически от нее там уже не осталось и следа. Комната не стала памятником нашей малышке – об этом позаботился Брайан. Он вынес оттуда все ее вещи через год после исчезновения девочки, чтобы мы могли постепенно освободиться от нее и найти в жизни место для чего-то еще, может быть, друг для друга.

Я смотрела, как муж выносит мешки и коробки, и неудержимо рыдала, видя книжки про Трейси Бикер[1 - Трейси Бикер – героиня повестей современной английской детской писательницы Жаклин Уилсон. – Здесь и далее прим. ред.], постеры «Spice Girls», спутанную шагающую пружинку. Несколько самых любимых игрушек дочки я все же отстояла: потрепанную одноглазую панду, замызганного кота Багпусса[2 - Кот Багпусс – один из самых любимых мультяшных героев английских детей, созданный знаменитым мультипликатором Оливером Постгейтом.], Почтальона Пэта[3 - Почтальон Пэт – герой популярного английского мультсериала с одноименным названием.] с гнущимися руками и ногами – его она всегда прятала, чтобы подружки не дразнились, что она как маленькая, – но все остальное было сметено апокалиптическим порывом супруга.

Я заставила Брайана пообещать, что он отвезет все в благотворительный магазин на Стритхэм или на Гринвич – куда угодно, лишь бы подальше, чтобы не видеть одежду или игрушки нашей дочери у других детей. Он сказал, что вещи с радостью взяли в магазине «Сью Райдер» в Льюисхэме, но вскоре в местном «Теско» я увидела девочку в джинсах «Хелло Китти» с бахромой внизу – в точности как у Эми. Да и розовая курточка показалась знакомой.

С тех пор я уже несколько раз сделала перестановку в комнате дочери, сменила занавески и постельное белье, хотя там никто не спал. И не будет. Гостей у меня не бывает, а если вдруг кто-то и приедет – в доме еще несколько спален на

выбор.

Протираю зеркало в двери, перед которым Эми когда-то изображала Беби Спайс. Светловолосая, мечтательная, с голубыми глазами и белозубой улыбкой. Вижу ее в своем отражении, несмотря на то что мои губы сжаты в прямую линию, а глаза запавшие, с темными кругами и «гусиными лапками» вокруг. Мои светлые волосы тронуты сединой, словно кукурузное поле заморозком, но в этой седине нет той элегантности, как у других женщин в возрасте за пятьдесят. Однако это ничто по сравнению с тем, что я все меньше и меньше похожа на Эми. Даже отражение мое расплывается.

Убираю принадлежности для уборки обратно в шкаф, споласкиваю резиновые перчатки и вешаю на белоснежную кухонную раковину. Когда открываю дверь, чтобы вынести мешки с мусором, небо уже темное и в нем, не дожидаясь новогодней ночи, сверкают фейерверки. «Римская свеча» взмывает вверх перемежающимися разноцветными вспышками, каждая из которых сопровождается негромким хлопком пороха, но, поднявшись в воздух лишь на несколько футов, начинает медленно угасать – как мои молитвы об Эми и просьбы вернуться.

Закрываю дверь, мою руки и разворачиваю тонкую оберточную бумагу, в которой лежит кремового цвета восковая свеча – купила на рынке «Боро». Спичка чиркает по коробке, пламя согревает штырек железного подсвечника, и он легко входит в основание свечи. Я уношу ее, незажженную, в гостиную и ставлю на каминную полку, рядом с фотографией Эми. Фотографию сделали в Занте, за год до того, как девочка пропала. Она тут вся коричневая, как карамак[4 - Фирменное кондитерское изделие, светло-желтая карамель.], а улыбка сияет свежестью, будто морской прибой. Сзади видна полоска освещенной солнцем воды и ослепительно-белый песок. В сложенных ковшиком ладонях Эми держит мертвую медузу – полупрозрачный пузырь, похожий на расплавленный хрустальный шар.

Я зажигаю свечу. Тени падают на фото. На глаза наворачиваются слезы, я целую кончик пальца и прижимаю к стеклу в рамке.

Задергиваю шторы, включаю проигрыватель. Диск, который я слушала в прошлый раз, все еще там. «Лучшие песни „Spice Girls“». Нажимаю на пульте «4», затем «повтор», сажусь так, чтобы видеть фотографию дочери, и смотрю, как тень от свечи пляшет на ее загорелом лице.

«Мама».

Когда песня звучит уже четвертый раз, раздается стук в дверь.

Я убавляю звук в надежде, что тот, кто стоит за дверью, скоро уйдет. Хочу, чтобы меня оставили наедине с бессонницей. Но стук раздается вновь. Громче. Гремит почтовый ящик.

– Миссис Арчер? Вы дома?

Женский голос. Незнакомый, и акцент не могу определить. Выключаю музыку и тут же соображаю, что этого делать не стоило: теперь понятно, что я дома.

– Миссис Арчер! Пожалуйста! Это важно.

Я встаю, осторожно выглядываю в щель между занавесками. И отшатываюсь. Прямо передо мной – лицо женщины. Нос прижат к стеклу. Охнув, я роняю занавеску.

– Извините! – говорит она. – Кажется, я вас напугала.

– Уходите! – твержу я громко, чтобы она услышала через окно.

Надеюсь, она услышит и требовательную настойчивость в моем голосе.

– Но мне нужно с вами поговорить.

– Если это насчет смены компании-поставщика электроэнергии – не интересует. Я занята.

– Я не за этим пришла, – быстро говорит она, чуть повысив голос. – Пожалуйста. Это важно. Касается Эми.

– Мне нечего сказать газетчикам.

– Я не из газеты.

– Если вы из полиции, покажите значок.

– И не из полиции.

– Так кто же вы? И чего хотите?

– Либби Лоуренс. Мне очень нужно с вами поговорить. – Голос у нее взволнованный и нетерпеливый. – Лицом к лицу. Не через стекло. Я приехала издалека. Пожалуйста. Это не тот разговор, который можно вести через окно или через почтовый ящик.

Я снова отодвигаю штору. Ярко-каштановые волосы обрамляют бледное лицо. Глаза – пронзительно-голубые – смотрят прямо в мои и смягчаются от улыбки на ее губах. Открываю окно.

– Итак?

– Это касается Эми. Миссис Арчер, я знаю, где она.

Много лет я мечтала о том, что кто-то принесет мне вести об Эми. И в той же мере страшилась этого. Надежда или горе. Полицейские с сообщением о найденном теле. Журналисты в погоне за сплетнями. Падальщики, сбежавшиеся поглазеть или пособолезновать. Временами когда-то даже думалось: возможно, сама Эми постучит в дверь.

Сердце колотится.

Может быть, вот он, тот миг, которого я ждала! Наконец-то найдется ответ на все вопросы последних десяти лет. Может быть, это шанс снова обнять дочь, почувствовать ее, живую и теплую, в своих руках, ощутить, как бьется ее сердце рядом с моим. Или возможность дать ей уснуть с миром, возможность нам обеим найти хоть какой-то покой.

Муку неизвестности вдруг перекрывает волна страха перед тем, что сейчас может открыться.

Я хочу знать.

И – не хочу.

То, что желает сказать эта женщина, может сломать меня окончательно. Я тону в водовороте надежды и ужаса. Держаться не за что, кроме самой себя, а этого вряд ли достаточно. Хватаю ртом воздух, погружаюсь в волны боли и тоски, потом выныриваю на гребне надежды и ожиданий.

Бегу ко входу. Дрожащие пальцы кое-как отодвигают засов и приоткрывают дверь.

Она выше, чем показалось из окна, и лицо ее кажется еще бледнее в серебристом свете, что падает на порог. Улыбка пришелицы гаснет. Она пытается что-то сказать, но слова не выговариваются. У меня они тоже куда-то пропали. Делаю глубокий вдох.

– Где моя дочь? – Вопрос вырывается отчаянным шепотом.

Либби сглатывает и закусывает губу:

– Длинная история… Пожалуй, вам лучше присесть.

Я медленно отступаю назад и распахиваю дверь. Холод врывается вслед за Либби в прихожую. Женщина снимает перчатки и протягивает правую руку. Пожатие короткое, но я чувствую каждую косточку ее пальцев. Отдергиваю кисть.

– Знаю, это будет нелегко, – говорит она. – Поверьте, это трудно и для меня.

– Да говорите же, что вы знаете! – умоляю я. – Пожалуйста!

Она пожимает плечами и набирает в грудь воздуха:

– Это прозвучит очень странно. Вы подумаете, что я сумасшедшая, – если уже не думаете. – Она снова берет меня за руку. Я снова отдергиваю ее. – Я знаю, где Эми.

Голос Либби звучит твердо. Тон не оставляет сомнений.

– Вы уже говорили. Но… если бы ее тело нашли, ко мне прислали бы кого-нибудь из полиции.

– Я не находила ее тела.

Прислоняюсь к стене, закрыв глаза, и сжимаю пальцами переносицу. Едва хватает воздуха в груди и храбрости, чтобы произнести это вслух.

– Я… не понимаю. Вы хотите сказать?..

Голова кружится от невысказанной надежды.

Либби неуловимо кивает:

– Да, миссис Арчер. Эми жива.

2

Помню внезапно навалившуюся темноту, помню, как руки Либби обхватили меня, помню быстрые, легкие, как крылья мотылька, прикосновения ее дрожащих ладоней к моему лицу. Слышу стук – это она захлопнула дверь ногой, слышу учащенное дыхание – это она перетаскивает меня из прихожей на мягкий диван.

Когда прихожу в себя, женщина стоит у камина и разглядывает фотографию Эми. Берет ее в руки и улыбается.

– Поставьте на место, – говорю я.

Либби оборачивается, ставит карточку обратно на камин. Я пытаюсь сесть, но она вскидывает руку, словно полицейский, что останавливает машины на дороге.

– Полежите пока. На всякий случай. Принести воды?

Не успеваю ответить – она уже выходит из комнаты и направляется на кухню. Слышу, как хлопают дверцы шкафчиков, звенят стаканы и бежит из крана вода.

– Вот, держите. – Она помогает мне сесть и подает стакан. Вода теплая, с металлическим привкусом. – Как вы себя чувствуете? – спрашивает Либби, убирая мне волосы со лба.

Я вздрагиваю, и она отдергивает руку.

– Извините. – Либби встает, отходит к окну. – Я просто измучилась, все не знала, как же вам поведать об Эми… Сомневалась даже, смогу ли вообще сказать. – Закрывает глаза и вздыхает. – Но девочка настаивала. Она была так… несчастна. Злилась. Я больше не могла просто сидеть и смотреть, как она страдает… Имейте в виду, когда я скажу, может быть, станет еще больнее. Мне, во всяком случае. – Либби закусывает губу. – Но все уже решено. Будь что будет. Извините, если я обрушила это на вас слишком резко, но… иначе тут не скажешь.

– Дело не в том, как вы сказали, а в том, что вы сказали. – Я отпиваю глоток воды и смотрю ей прямо в глаза. – Эми жива? Точно знаете?

Женщина кивает и берет у меня из рук стакан.

Я снова ложусь на диван. Боль, что я чувствовала эти десять лет, тяжело наваливается на меня. Как я не могла поверить, что дочь пропала. Как постепенно принимала этот факт. Как перебирала в голове бесконечные «если бы» и обвиняла тех, кто обвинял меня. Как жалела, что не сделала в тот день все иначе. Как оправдывалась перед собой за то, что дала Эми уйти из дома.

Больнее всего было мучительное раскаяние – сколько я ей так и не сказала, сколько мы не успели сделать вместе. Злость и обида. Горе.

От потрясения я не могу плакать и только моргаю сухими глазами.

– Но… как? – Я обхватываю голову руками – она словно отяжелела от невысказанных вопросов. – Где она была? Что случилось? Почему не дала мне знать? Где она сейчас?

– Не все сразу, пожалуйста. Не только вам, но и мне так будет легче. – Либби – все тело напряжено – опускает взгляд в пол. – Вам легче? – Она с трудом сглатывает комок. Худые пальцы то сжимаются, то разжимаются. – Меня это тоже касается, – произносит она ровно.

– Я ее мать, – говорю я и от раздражения вскакиваю с дивана. – Вам-то что?

Глаза Либби вспыхивают гневом. Она набирает в грудь воздуха, словно готовясь сказать резкость, но сдерживается.

– Говорите же! – Я подаюсь вперед.

Она проводит рукой по волосам.

– Послушайте: то, что я скажу, понять будет нелегко. – Она вздыхает. – Это меняет все. Для всех нас.

Либби снова бросает взгляд на фото Эми на каминной полке.

Я нарочно выбрала фотографию, которая как можно меньше похожа на «официальную» – на ту, что полиция взяла для объявлений о розыске. Там ее улыбка была принужденной, скованной, белая коса блестела на фоне зеленого школьного форменного джемпера, узел галстука – аккуратной буквой V. Такой моя дочь смотрела со страниц газет, с экрана – над плечом диктора новостей, с плакатов в супермаркетах. Она осталась такой в сознании всей страны – символ материнской халатности, предупреждение остальным детям, где бы они ни были. Это уже не была просто фотография моей девочки.

Одна мысль об этом пробуждает воспоминания. О том, как мы умоляли ее дать знать, где она, как обещали, что не будем ругать. Через неделю (вестей так и не дождались) девочка-двойник в розовых спортивных брюках, с лентой на голове,

во флисовой курточке с тигром, словно призрак, повторяла перед журналистами и телевизионщиками все, что делала Эми в те последние минуты, когда ее видели живой.

«Ситуация все тревожнее, – сказали в полиции. – Кто-то знает, где она. Ценна любая информация, любая мелочь».

На пресс-конференции мои слезы мерцали в стробоскопах камер, а Брайан с каменным лицом держал меня за руку. Эми смотрела с увеличенных фотографий, расплываясь на отдельные пиксели, словно уже тронутая разложением.

– Вы должны это увидеть, – говорит Либби.

Она сует руку в карман пальто – будто фокусник достает кролика из шляпы – и вынимает розовый альбомчик с фотографиями. Раскрывает его, перебирает прозрачные пластиковые кармашки.

– Вот. – Протягивает его мне, медленно, с неохотой, словно боясь, что я не верну.

Фотография девочки с удивительно голубыми глазами и нерешительной улыбкой. Густые белые волосы стянуты в хвост лентой с леопардовым узором. Тоненькие руки опущены, розовая куртка с капюшоном контрастирует с тесными белыми леггинсами.

Кажется, будто кровь во мне перестала течь. Мгновенное узнавание. Вспышка в памяти. «Что это?..»

– Откуда это у вас? – Голос мой звучит приглушенно, почти благоговейно.

– Сама фотографировала. У подруги на барбекю, в Манчестере.

Женщина переворачивает фотографию и показывает дату, записанную на обороте черными печатными заглавными буквами: «ИЮЛЬ 2009».

Я подношу фотографию ближе к лицу, и рука у меня дрожит.

– Но этой девочке и двенадцати нет! А Эми в этом году исполнилось бы двадцать. – Поднимаю взгляд. Меня душат злость и разочарование. – Не знаю, кто это, но говорю – это не моя дочь.

– Это Эми, клянусь! Если вы позволите объяснить…

– Нет! Не знаю, кто вы и чего хотите, но вы сумасшедшая! Извращенка! Что я вам сделала, что я кому сделала, за что мне все это? Убирайтесь! – Швыряю ей фотографию и встаю. – Сейчас же! Или полицию вызову!

С удивившей меня саму силой я выталкиваю незваную гостью из комнаты, через коридор – и на улицу. Захлопываю дверь за ней, запираю на замок – и сползаю на пол, содрогаясь от тяжелых рыданий без слез.

Либби колотит в дверь кулаками.

– Вы должны выслушать, – твердит жалобно. – Пожалуйста! Она здесь. На улице. Я приведу ее. Миссис Арчер! Вы же не хотите потерять дочь еще раз!

Топот ног, бегущих по садовой дорожке. Скрип калитки.

– Эсме! Эсме! – зовет Либби. – Иди сюда, скорее! Эсме!

Застываю за дверью, сглатываю комок.

«Четыре буквы, – сказал Иан. – Элли, может быть?»

А еще он говорил, что она близко. «Девочка. Близко». И вот она, Эсме – тут, за дверью.

Кто бы она ни была, я должна ее увидеть. Не только потому, что малышка как-то связана с Эми, но и потому, что ее имя – и ее приход – единственное сбывшееся предсказание экстрасенса. Я поднимаюсь, отпираю замок и открываю дверь.

Либби стоит за калиткой, полускрытая высокой тисовой изгородью. Машет рукой, зовет кого-то.

Шаги по ту сторону забора. Неразборчивые слова. Либби отступает влево, скрывается за изгородью. А справа появляется девочка.

Она такого же роста, как была Эми. Других примет не разглядеть под блестящим серебристым пуховиком. Силуэт искрится в желтом свете уличного фонаря, а фары проезжающего автомобиля делают это свечение совсем призрачным. Ее тень быстро пробегает по саду и исчезает.

Я хватаюсь за стену, усилием воли унимаю колотящееся сердце, чтобы не разорвалось, стараясь не поддаваться потрясению, невероятной, нелогичной надежде на то, что Эми наконец-то вернулась домой. Она неподвижно стоит у калитки, лица не видно под капюшоном. Либби что-то говорит ей, и девочка поворачивает голову. Ее профиль виден нечетко, расплывается в белых облачках пара – от дыхания.

От дыхания.

Она дышит. Она живая.

– Эми?

Имя само собой срывается с моих губ. Она идет ко мне. Медленно. Сердце мое бьется громче, чем звучат ее шаги, и еще громче – когда она поднимает руки и скидывает капюшон.

Боюсь смотреть. Боюсь того, что увижу. Боюсь того, чего не увижу.

Капюшон падает назад.

Распущенные волосы. Длинные, светлые. Обрамляют лицо, как вуаль. Она убирает их назад, нежно-розовые губы раздвигаются в неуверенной улыбке. Глаза у девочки голубые, почти лазурные, а выражение их немного печальное и вопрошающее, но в то же время живое и радостно взволнованное.

– Здравствуй, мама, – говорит она.

Перевожу дыхание. Чувствую, как проступает на лице замешательство – будто пятно. Это не Эми. Не совсем Эми. Но все же, все же…

Есть в ней что-то знакомое. Но кое-что изменилось – словно Эми сильно загорела на солнце и стала не похожа сама на себя, или лицо у нее заострилось за время болезни и черты его стали не такими симметричными.

Это тревожное сходство поражает меня все сильнее и сильнее, и наконец ноги у меня подламываются под тяжестью. Опускаюсь на колени, вижу, как моя рука тянется к девочке: хочу дотронуться до нее, убедиться, что она живая, и боюсь, что от моего прикосновения она исчезнет, как лопается мыльный пузырь, которого коснулся малыш.

Девочка подбегает и прижимается щекой к моей щеке. Я не в силах бороться с собой. От нее пахнет миндалем – сладко, крепко. Вдыхаю ее запах, чувствую, как тельце крепко прижимается ко мне.

Эми. Моя Эми. Настоящая. Живая. Здесь.

От ее близости перехватывает дыхание. Просыпается инстинкт – неуверенный, но пробирающий до глубины души. Я не должна поддаваться… это не Эми, она не может быть Эми… и все же, и все же…

Либби подходит к нам по дорожке. Выражение ее лица трудно определить: облегчение, сожаление, сочувствие, ревность.

– Нужно поговорить, – произносит она, отчасти примирительно, отчасти досадливо.

Я хочу кивнуть, но тут же одергиваю себя. Это нелепо. Невозможно. Так я рано или поздно докачусь до безумия, которому столько времени сопротивлялась. Девочка слишком маленькая, она не может быть Эми, и как бы отчаянно я ни желала, чтобы она оказалась моей дочерью, все равно ею не станет. Иллюзии и трюки действуют лишь до тех пор, пока публика наполовину готова поверить в них еще до начала представления и видит то, чего хочет фокусник. Как бы я ни желала, чтобы эта девочка была Эми, я знаю, что этого не может быть. Мечта рассыпается под напором логики.

– Нет.

Я отталкиваю ребенка. Она поднимает глаза – пронзительно-голубые, мокрые, глядящие с упреком.

– Уйди! – шиплю я. – Ты не моя дочь.

– Но, мама…

Сколько я мечтала, чтобы меня снова назвали мамой! Носить этот «титул». Чувствовать эту связь. Но не так вот – из уст чужого ребенка это слово звучит отвратительно, фальшиво, словно в насмешку. И заманчиво, и пьяняще…

– Не смей меня так называть!

Но теперь, когда я уже услышала это слово, мучительно хочется повторения.

– Миссис Арчер, пожалуйста, – умоляет Либби, кладя руку на плечо девочки. – Она еще ребенок. Ей было очень трудно прийти к этому. И мне тоже. Пожалуйста… будьте помягче. Заклинаю… мы с вами ведь обе матери.

Я моргаю.

– Она… ваша дочь?

Либби кивает, утирает слезы рукавом пальто:

– Пожалуйста, если вы просто выслушаете…

– Нет. – Я вскидываю руки. – Сами же сказали, что это ваша дочь. Не может же она быть и вашей, и моей. Как? И вообще, она слишком маленькая.

– Ей столько же лет, сколько и Эми.

– Сколько было Эми. Она что, застряла во времени? Оно остановилось на десять лет? – Сарказм так и сочится из меня.

– Вы ближе к истине, чем думаете, – говорит Либби.

– Убирайтесь!

Я отталкиваю девочку, и она, покачнувшись, спрыгивает с крыльца на землю.

– Мама! – кричит она. – Не прогоняй меня! Я Эми. Твоя дочка. Вот это я сделала. Помнишь?

Она присаживается на корточки у крыльца и тычет пальцем в царапины на ковровой плитке в углу.

– Видишь? – Ее палец указывает на две тонко процарапанные кривые буквы: Э. А. – Эми Арчер, – говорит она. Палец соскальзывает на соседнюю плитку и показывает на другие буквы. – Д. Б. Дана Бишоп. Моя лучшая подруга! Ты еще нас обеих нашлепала за это.

Я ахаю, не в силах выговорить и слова. Сердце бешено колотится.

Девочка встает, проскальзывает мимо меня и заглядывает в прихожую. Ее лицо озаряется, словно она увидела что-то знакомое.

– Та самая статуэтка на полке! Мальчик с удочкой. Папа подарил ее тебе на Рождество. А потом, когда тебя не было дома, разбил, и мы побежали на Оксфорд-стрит покупать новую. У них последняя осталась. Вот, погляди. У него на пятке краска облезла. Папа сказал, ты и не заметишь, и правда не заметила.

Я вхожу и беру в руки фигурку. Руки дрожат. Почти надеюсь, что никакого белого пятна на пятке не окажется, и в то же время дрожу от волнения и надежды на то, что оно есть. Перевернуть статуэтку решаюсь не сразу. Она вся покрыта ровной блеклой краской, не считая белого пятнышка на левой пятке.

Может, оно там и было с самого начала – я никогда не разглядывала статуэтку подробно, она мне не очень-то и нравилась. И все же приходится держать ее двумя руками, чтобы осторожно, не разбив, поставить на полку.

– Я… не понимаю. Это просто…

– Что? – Либби входит в прихожую. – Совпадение? Если бы – нам тогда всем было бы легче. Но это не просто догадка.

– Догадка, и больше ничего, – говорю я и киваю в подтверждение своих слов.

– А вот и нет! – восклицает девочка, и глаза ее наполняются слезами. – Честное слово. Я не стала бы тебе врать. Ты всегда говорила, что врать нехорошо. И я никогда не врала. Ты должна мне поверить, мама.

– Сказала же тебе: не называй меня так, – повторяю я, с усилием отводя глаза от залитого слезами лица ребенка.

Я никогда не могла спокойно смотреть, как Эми плачет, а эта малютка плачет точь-в-точь как она. Еле удерживаюсь, так хочется обнять ее и сказать, что все будет хорошо…

– Как бы человеку ни везло на догадки, все равно он в чем-нибудь да ошибется. – Либби стоит теперь твердо, выпрямившись. – А Эсме не ошибается.

– Спроси меня о чем-нибудь, мама, – предлагает девочка. – О чем хочешь. Вот увидишь, я отвечу правильно.

– Это не игра!

– Я знаю. И не играю. Честно.

Либби склоняет голову набок, словно побуждает меня принять вызов, в то же время надеясь, что я откажусь. Я закрываю глаза и потираю переносицу. Если подыграю ей, этот абсурд наконец закончится и им придется оставить меня наедине с тоской по Эми. По настоящей Эми.

– Ладно. Назови прозвище, которое для меня придумал мой муж.

– Какое, их же два? – не задумываясь, переспрашивает девочка.

Ее легкомысленный тон выводит меня из себя, как и то, что она знает про мои два прозвища. Брайан иногда называл меня Зайкой: когда был пьян, хотел секса или надеялся чего-то добиться, но обычно он звал меня Дабс. Это считалось веселым прозвищем, однако в нем чувствовался скрытый упрек. Дабс. Отдел Скотленд-Ярда, где снимают отпечатки пальцев. Кончай, мол, допрашивать, отвяжись.

Я так изумлена тем, что малышка знает про два прозвища, что почти не обращаю внимания на то, что она оба назвала правильно.

– Опять угадала? – Либби поднимает брови, словно старается убедить меня не верить собственным ушам.

Девочка с облегчением улыбается и кивает мне.

– Спрашивай дальше, – говорит она.

– Как Эми сломала ногу?

И снова ни тени колебания, ни нотки сомнения в голосе.

– Я сломала не ногу, а руку. Мы с Даной залезли на дерево за теннисным кортом в парке. Я упала. А Дана побежала за тобой.

Глаза у нее сияют. Сначала мне кажется, что это вызов, но я вижу в них кое-что еще: мольбу о признании.

Закусываю губу, наклоняюсь и заглядываю пришелице в глаза. Цвет и разрез такие же, как у Эми. Я называла их «говорящими глазами». Теперь они стали еще выразительнее, появился новый оттенок, который я не могу определить и перед которым трудно устоять.

– Что с тобой случилось? – спрашиваю я.

– «С тобой»? – переспрашивает Либби. – Значит, верите ей?

Я не отвечаю и, не сводя глаз с девочки, повторяю вопрос. Лицо у нее затуманивается грустной сосредоточенностью, брови хмурятся.

– Я… точно не помню. Но кажется, я умерла.

Слова будто пронзают меня. Конечно, она не Эми – этого не может быть, – но услышать подтверждение самых страшных моих подозрений из уст, так похожих на дочкины, невыносимо. Я разрываюсь между желанием обнять ее и оттолкнуть.

– Извини. Я не верю в привидения.

– Эсме не привидение, – говорит Либби, обнимая девочку за плечи. – Она Эми. Ее реинкарнация.

Часы в прихожей бьют полночь.

Снопы искр и тлеющих красных углей взлетают в небо, взрываясь с ревом, от которого содрогается земля. Свет и тьма, обгоняя друг друга, несутся по небу к парку. Длинные тонкие пальцы голых деревьев тянутся к свету, а затем снова тонут в темноте.

В полосах теней, на грани со светом, разрывая мне сердце, мелькает образ Эми. А в промежутках на меня смотрит лицо Эсме – с широко распахнутыми глазами, умоляющее, счастливое.

Она стрелой проносится мимо меня в коридор. Я так потрясена, что не успеваю задержать девочку, а она забегает на несколько секунд в гостиную, выскакивает оттуда и взлетает наверх по лестнице.

– Хочу посмотреть мою комнату! – кричит.

Либби входит в коридор, захлопывает за собой дверь и бежит следом.

– Эсме! Пожалуйста! – кричит она. – Ты обещала! Нельзя же так сразу!

Но Эсме не останавливается. Наверху она сразу же, без колебаний, сворачивает к комнате Эми. Отворяется дверь. Радостный вопль! И тут же – разочарованное фырканье.

Я стою в прихожей и хлопаю глазами, не в силах двинуться с места; держусь рукой за стену, чтобы не упасть. Охваченная смятением, с трудом перевожу дыхание.

– Ты у меня все переделала! – кричит сверху Эсме. – Будто я тут и не жила никогда.

Отталкиваюсь от стены, глотаю воздух и поднимаюсь по лестнице со всей быстротой, на какую способна.

– Пожалуйста. Не входите, умоляю!

Либби стоит в дверях спальни, словно боится вторжения. Я проталкиваюсь мимо нее и вижу, что Эсме лежит на кровати лицом вниз, одной рукой вцепившись в подушку, а в другой сжимая замызганного Багпусса. Ящики комода выдвинуты, дверца шкафа приоткрыта.

Мое раздражение оттого, что кто-то вломился в комнату Эми, тонет в потрясении от вида живой, настоящей белокурой девочки, лежащей на ее кровати. Ноги будто прирастают к полу.

– Ничего нет! – всхлипывает Эсме, уткнувшись в одеяло. – Где мои постеры? Диски? Одежда? И стены перекрасила. А я бежевый вообще не люблю. – Она поднимает голову. – Ты будто хотела, чтобы обо мне тут вообще ничего не напоминало.

– Эсме, ну пожалуйста, – говорит Либби. – Уверена, это совсем не так. Давайте-ка все успокоимся!

Девочка поворачивается к нам и садится на кровати. Лицо у нее кривится от слез и злости.

– Как ты могла, мама?

Либби вздрагивает – как и я.

– Я… не знаю, – шепчу я. – Не могла оставить…

Я почти не верю, что пытаюсь оправдаться, но ее вспышка гнева – всего лишь эхо той, которой разразилась я сама после того, как Брайан вынес все ее вещи из комнаты. Я виновато запинаюсь.

– Хоть он остался. – Эсме берет Багпусса на руки и покрывает поцелуями. – Ты его купила, когда у меня была ветрянка.

Она права. Я невольно киваю и открываю рот, но говорить не могу. Поерзав на кровати, Эсме садится спиной к стене. Игрушка – на коленях. Перед глазами встает образ Эми – беспомощной, больной, ждущей моей заботы, – и меня пробирает дрожь.

– Я терпеть не могла ветрянку, – говорит Эсме. – Не потому, что чешется, а из-за пятнышек. Хотела полоски. Как у Багпусса.

И снова она права. От этой точности мурашки по коже. Ребенок не может помнить все эти подробности, и, однако же, они с такой непринужденностью слетают с ее губ. Откуда она знает все эти как будто самые обыкновенные, но такие личные детали? Потрясающе. Но пугает: слишком, слишком точно. Я боюсь Эсме – той, кто она есть, и точно так же боюсь того, что она может оказаться еще кем-то. Это невозможно, нелепо, но…

– Пойдемте вниз? – Либби берет меня за руку. – Наверное, нам всем будет легче, если поговорим там.

Эсме первой входит в гостиную и садится в кресло, прижимая к груди Багпусса. Взгляд ее бегает по всей комнате – жадно, пытливо, словно она играет в «найди пять отличий». Почти все изменилось: отделка, ковер, диван, – но мне кажется, что глаза девочки задерживаются на том, что осталось прежним: на облупленной патине кофейного столика, на оловянной фигурке цветочника георгианских времен, на широких окнах, на блестящей черной колосниковой решетке.

Дольше всего она смотрит на фотографию Эми на каминной полке. И улыбается.

– На Занте было так хорошо! Если бы не медузы. И морские ежи. Папе пришлось тогда пописать мне на ногу, чтобы не так жгло. – Она передергивается при этой мысли и хмурится. – А где папа?

– Он… Мы не…

Качаю головой. Брайан не ее отец. И, в отличие от нее, я не обязана ничего объяснять.

– Выходит, ты знаешь кучу разных мелочей, но не знаешь, что произошло между моим мужем и мной? – Мой голос становится жестче. – Не понимаю. Разве твои… сверхъестественные способности…

Нащупываю рукой диван и медленно опускаюсь на него, не сводя взгляда с Эсме.

– Кажется, это не то, что вы думаете. – Либби снимает шарф и расстегивает пальто. – Я, конечно, не специалист по реинкарнации. Но кое-что об этом читала с тех пор, как Эсме убедила меня в том, кто она на самом деле. – Женщина сухо покашливает. – Наверное, я еще до родов знала, что она необычный ребенок. Но не понимала почему… не разумела до конца. Выяснилось это только несколько месяцев назад. – Она снова кашляет. – Было нелегко. Не сразу уложилось в голове. У вас будет то же самое.

– Да, наверное. То есть…

Либби вешает пальто и шарф на спинку дивана и садится рядом со мной.

– Слушайте, я понимаю, что это тяжело, – говорит она. – Поверьте, я сама через это прошла.

– Поверить? Я… Да как? Реинкарнация? Это невозможно.

– Миллионы буддистов считают иначе. У них этому подчинена вся жизнь.

– Может быть, религия кого угодно сделает идиотом.

Я говорю совсем как Брайан – он так же издевался над моей верой в экстрасенсов. Но в паранормальные способности еще можно поверить – наука пока не нашла иного правдоподобного объяснения некоторым странным явлениям, во всяком случае не всем. Правда, и не доказала их существование. Есть еще простор для маневра. Для интерпретаций. Есть надежда.

А возможность реинкарнации ничем не подтверждена. Но и не опровергнута. Во всяком случае, окончательно. Насколько я знаю.

Эта тема как-то всплыла на вечеринке еще за несколько лет до рождения Эми. Кто-то сказал, что реинкарнация невозможна, потому что если бы все живущие на нашей планете могли сюда вернуться, то им не хватило бы места. Кто-то предположил, что они возвращаются по очереди. Идея огромного загробного зала ожидания вызвала град насмешек.

Эсме замечает коробку от CD, который я слушала, когда Либби постучала в дверь.

– Ух ты! «Spice Girls»! – Девочка вскакивает и хватает диск. – Можно, я послушаю?

– Не здесь, милая, – отвечает Либби. – Нам с Бет надо поговорить.

– Тогда пойду к себе в комнату.

– Нет, – говорю я. – Я не хочу, чтобы ты туда ходила.

Эсме корчит гримаску, в точности как делала Эми, когда что-то было не по ней: смесь возмущения, «ах я бедняжка» и покорности судьбе.

А вслед за этим – хитрый ход: природное умение вести переговоры, по словам Брайана, изобличало в ней будущего политика.

– Можно, тогда я в наушниках послушаю? – спрашивает она, подбородком указывая на наушники, засунутые между книгами на полке.

По крайней мере, это значит, что она будет у меня на глазах и не сможет нас перебивать. Целый час она сидит в кресле, одними губами повторяя слова и подергиваясь в такт музыке, словно в подобии танца. Как Эми когда-то. Я сижу, отвернувшись от нее, и заставляю себя не думать об этом. Либби рассказывает, как все получилось.

– У Эми «Spice Girls» ведь тоже были любимой группой? – спрашивает она, усаживаясь поглубже на диван.

– Да, но тут нет ничего необычного. Это ничего не доказывает.

– Нет, но для современной девочки довольно необычно любить «Spice Girls», а не, скажем, Леди Гагу, хотя ее она тоже любит. – Либби вздыхает. – Они пели: девочки должны быть сильными. В этом-то, наверное, все и дело. Девочки, наши девочки. И сила – необъяснимая, сверхъестественная сила.

Она рассказывает, как сначала ни о чем не догадывалась, но теперь, оглядываясь назад, видит, что едва уловимое странное ощущение было с самого начала. С того момента, как она забеременела Эсме.

– Мне было всего шестнадцать. Неполных. В детстве я всегда злилась, что мой день рождения – на Новый год. Люди или уходили праздновать, или болели после вчерашнего. Так тихо всегда было. Мертво. Скучно. Но когда я подросла, все изменилось. Новогодние вечеринки сразу стали моими.

И кажется, никогда Либби не ощущала это так сильно, как в 1999 году, когда в последний день уходящего тысячелетия мы оказались на грандиозном рубеже. С последним ударом часов в полночь она переставала быть ребенком, становилась – официально – почти взрослой, и шумные толпы по всему миру праздновали это вместе с ней.

Компания ее школьных друзей праздновала Новый год в Эдинбурге, и девушка упросила родителей отпустить и ее тоже.

– Мы побросали сумки в каком-то унылом пансионе возле Лита и провели остаток дня, шатаясь по барам. Когда добрались до Принцесс-стрит, я была уже готовая. Все вокруг только и делали, что совали друг другу бутылки. Водка, шампанское,

сидр. Чего я там только не пила! Голова пошла винтом. Сидевший рядом парень на выпивку не скупился. Шнапс из его бутылки обжигал горло.

Она уже не помнит, как звали того парня, но у него были ясные глаза, чуть раскрасневшееся на морозе лицо, теплый голос и смех.

– Я здорово запала на него, хотя в таком подпитии уже кто угодно показался бы красавцем. Было хорошо, пока выпивка, жара и толпа не доконали. И захотелось уйти.

Парень взял ее за руку и вывел из толпы. В конце концов они очутились у него в номере отеля с видом на замок и на шумное празднество на Принцесс-стрит.

– К тому времени я уже немного протрезвела. Эдинбургский воздух прочищает голову так же хорошо, как виски ее затуманивает. Я и тот парень со шнапсом оказались в одной постели. – Она наклоняется ко мне – руки на коленях, лицо нахмурено. – Это был мой первый раз, но я уже какое-то время пила таблетки, так, на всякий случай. И к тому же он надел презерватив. Я сначала думала: просто не повезло. Теперь-то знаю: я все равно забеременела бы, несмотря ни на что. Как бы мы ни осторожничали, судьба была против. – Она глубоко вдыхает и продолжает рассказ. – Мы занимались любовью, когда начался отсчет секунд до полуночи. Крики и свист за окном стали громче. Толпа скандировала: «Десять, девять, восемь…» И… Бабах!

Комната замерцала голубыми и белыми огнями, в ней боролись свет и тьма. Небо взорвалось яркой разноцветной шрапнелью.

Либби и не знала, что в тот же миг в ней тоже взорвалось кое-что – тихо, незаметно – и что эхо этого взрыва и его последствия скоро дадут о себе знать и останутся с ней навсегда.

Слушаю ее рассказ о ночи Миллениума – и в голове раскручиваются собственные воспоминания.

Я так часто заново проигрывала эту ночь в голове, что она вся истрепалась и выцвела, как старая пленка. Воспоминания перескакивают, толкаются, путаются, натыкаются друг на друга, и в конце концов я уже не могу разобрать, где между ними грань. Иногда начинаю сомневаться, существовал ли в

реальности эпизод, который я помню так отчетливо, а другие, те, что я наверняка просто навоображала, кажутся до ужаса реальными.

Помню, следила по телевизору за тем, как входит в мир новое тысячелетие. Помню, как туземцы из Вануату в юбках из травы играли приветственные песни на морских раковинах, помню, как потрескивали и шипели кусочки льда в моем крепком джин-тонике. Вкус соленого кренделя на языке.

Помню раздражение в голосе Брайана, когда я позвонила ему на работу, чтобы напомнить, что сегодня у него короткий день.

– И пожалуйста, не забудь купить шампанского, – сказала я. – Не можем же мы прийти на вечеринку к твоему самому крупному клиенту с пустыми руками.

– Не забыл, – недовольно пробурчал муж. – Я в состоянии выполнить простые инструкции, знаешь ли.

– Знаю. Ты же долго не задержишься? Пробки будут дикие, судя по тому, что творится возле парламента и на набережной.

– Мы почти закончили, – коротко ответил он. – Еще куча времени. Сколько там ехать до Патни, боже ты мой!

– Не до Патни, а до Ричмонда. Почему у тебя такие вещи никогда в голове не задерживаются?

Помню, что часы на стене в кухне показывали десять минут второго. Я не забыла пробежаться по своему контрольному списку дел: закончить уборку в доме, разобрать постиранное белье, принять ванну, сделать прическу и макияж, пришить новую пуговицу к вечернему платью, погладить рубашку Брайану, приготовить легкий ужин – стейки из тунца с базиликом и помидорами, завернуть в подарочную бумагу роскошные конфеты, которые я купила на рынке «Боро» в подарок хозяйке дома, куда мы собирались в гости. Помню, как подумала: хорошо, что Эми ночует у Даны, а то мне некогда волноваться еще и из-за того, что приготовить ей к чаю, или следить за тем, чтобы она поела.

Помню, как оборвала зубами нитку, которой пришивала пуговицу к платью. Как в голове отозвался резкий хруст и как игла уколола меня в ладонь. Помню, что было половина третьего – на это время я договорилась с родителями Даны, что кто-то из них заберет Эми с Даной с детской площадки и отведет домой.

Помню оловянно светящиеся сумерки в окне, когда заканчивала уборку в ванной, готовясь залечь в пенную воду и долго-долго отмокать. Помню, как яростно терла края ванны, как задела рукой кусок пемзы и он полетел через всю комнату, помню паутину трещин на зеркале. Помню, как лежала в ванне и думала: хорошо еще, что я не суеверна – семь лет неудач ни к чему. А зеркало куплю новое во время январских распродаж.

Помню, как взорвался один из первых фейерверков – вспышка яркого света в быстро темнеющем небе. Помню, как злость постепенно нарастала, словно боль от ожога крапивой, потому что Брайана все не было и не было.

Помню, как зазвонил телефон в четыре пятнадцать, и я резко ответила: «А теперь какие у тебя отговорки, Брайан?» Помню неловкое молчание, а потом на другом конце линии сказали, что это миссис Бишоп, и спросили, придет ли все-таки Эми к ним ночевать.

– Она разве не у вас?

– Нет. Дана говорит, что они поссорились, вот я и подумала: может быть, Эми теперь не придет.

– Так вы не забрали ее?

– Не пришлось. Дана пришла сама и сказала, что Эми тоже домой отправилась. Бог знает что они там не поделили, но сейчас Дана говорит, что никогда больше не хочет видеть Эми.

Знать бы, преследуют ли теперь Бишопов те вырвавшиеся сгоряча слова, как преследуют меня.

Помню внезапный резкий холод, когда вышла на улицу посмотреть, не идет ли Эми. Помню прохожего с бутылкой и праздничным колпаком на голове – он

пожелал мне счастливого Нового года. Я пробормотала то же самое в ответ.

Помню черную пустоту за открытыми воротами парка, свой страх перед тем, что может лежать в кустах, через которые предстояло пройти по пути к детской площадке. Помню, как подумала, что Эми, наверное, тоже страшно сейчас. Помню, как кричала, звала ее по всему парку и мой крик тонул в хлопках и свисте фейерверков и праздничном вое автомобильных гудков.

Помню, как вернулась домой, чтобы взять фонарик из ящика кухонного стола, и как вместо этого подняла телефонную трубку. Услышала сигнал голосовой почты Брайана и решила, что он уже едет домой на метро. Или не отвечает, потому что завернул в паб выпить по пинте с коллегами.

Помню, как звонила другим подругам Эми, подряд, по списку, словно учительница на перекличке, и мысленно ставила галочки. Помню их родителей, заверявших, что Эми непременно вернется, нужно только немного подождать, ведь дети часто за игрой забывают о времени.

Помню, как мой палец завис над цифрой 09 на телефонной трубке, как я почти не верила, что собираюсь нажать на нее три раза. Помню, как подумала, что это бессмысленно, что зря накручиваю себя и только понапрасну отниму время у полицейских. Она объявится в тот самый миг, как я начну звонить, еще и разозлится на меня за то, что я такая паникерша.

Люди по всему миру смотрели на часы, но никто не глядел на них так пристально, как я. Время сделалось свинцовым. Тяжелым от отчаянного ужаса. Помню, как затрещали на огне выкипевшие до дна кастрюли. Резкий запах дыма. Помню, как твердила себе, что нужно успокоиться и перестать паниковать, что наверняка этому найдется разумное объяснение. Помню, как пыталась и не могла представить какое же.

Помню глухой стук собственного сердца при звуке повернувшегося в замке ключа, и то, с каким разочарованием смотрела на Брайана, и как по коридору поплыл запах пива.

– Не пялься на меня так, – огрызнулся он. – Ну, выпил немного. Подумаешь. Новый год все-таки. Новый век наступает. Новое тысячелетие. Все равно на такси поедем.

Помню, как он сердито уставился на меня, когда мои глаза наполнились слезами.

– Ну что опять? – Лицо мужа закаменело. – А, блин! Шампанское. Сейчас схожу куплю. – Он развернулся и стал возиться с дверным замком. – Господи, Бет, ну уж из-за этого точно не стоит психовать! Из-за какого-то шампанского!

– Дело в Эми, – сказала я. – Она не вернулась домой.

– Так она же у Даны?

Помню, как изумилась тому, что он все-таки умудрился запомнить хоть часть нашего уговора. Как при этой мысли хлынули слезы. Помню, как странно было, когда муж снова обнял меня, помню влажность его щеки и запах сигаретного дыма.

Брайан сказал, что надо успокоиться и подождать еще немного. Помню, что его невозмутимость меня утешила, стало легче, когда он сказал, что сам пойдет ее искать. Герой, каким я его когда-то считала, вернулся, готовый меня защитить.

– Я с тобой, – сказала я.

– Нет, останься здесь, на случай если она придет домой.

Помню, как бродила из комнаты в комнату, словно играла с дочкой в прятки – она так любила прятки, когда была совсем маленькой. Я звала ее из окна кухни и еле сдержала слезы, когда не слышала ответа.

Помню, как долго не было Брайана – показалось, несколько часов, – хотя это, вероятно, время шутило со мной шутки в ту ночь, каждая секунда значила так много, что тянулась невыносимо долго.

Помню, как бежала вниз, услышав, что муж вернулся, помню его мертвенно-бледное лицо, страх, метавшийся в глазах, ставший чужим голос.

– Думаю, надо звонить в полицию.

Помню, каким маленьким, каким утешительно несерьезным казался телефон в его руке. Как в полиции ничего не знали о нас до тех пор, пока он не заговорил в трубку. И как мир будто потемнел, когда он ее повесил.

Помню свист и треск полицейских радиопередатчиков, то, как стражи порядка опускали головы, переговариваясь. Они понимающе кивали, когда я старалась описать, как Эми была одета, и просили не торопиться.

Помню, как они расспрашивали, не могла ли девочка пойти еще к кому-то и все ли у нас дома было хорошо. Помню, что не поднимала глаз, когда заверяла стражей порядка, что все было прекрасно.

Помню, как безнадежность охватывала меня, пока я листала альбом, чтобы найти подходящую фотографию. «Недавнюю, – сказали они, – крупным планом, если можно – только голова и плечи». Помню, как подумала, что ничего такого здесь нет, и листала страницы почти не глядя, пока Брайан не вмешался и не вытащил из альбома последнее школьное фото нашей малышки.

– На вид девочка смышленая, – сказал один из полицейских.

– Так и есть, – сказал Брайан. – Не из тех, кто ввязывается в неприятности.

– Постарайтесь не волноваться, – сказали копы, надевая кепи в прихожей.

Когда они открыли дверь, пробило полночь. Помню какофонию фейерверков на реке, словно земля заходила ходуном. Помню свой ужас, помню, как не могла дождаться, когда же прекратится этот шум. А когда он прекратился, оказалось, что тишина еще хуже.

В то мгновение, если верить рассказу Либби, время качнулось и сдвинулось на грань между «сейчас» и «тогда», стряхивая с себя дух последней тысячи лет, освобождая место для тех, кто приходит. Эми и Эсме угодили в этот круговорот.

Это и был тот миг, когда они слились друг с другом, когда душа Эми воплотилась в теле Эсме. Когда сущность Эсме смешалась с душой Эми.

Когда двое стали единым целым.

Когда Либби заканчивает рассказ, мы обе плачем – не друг над другом, а над такими разными воспоминаниями о вечере, что так резко изменил наши жизни. Она встает, вытирает глаза и говорит, что сегодня больше ничего обсуждать не в состоянии, да и я, вероятно, тоже. Все это доносится до меня словно издали, будто я сижу в соседней комнате.

Не хочется, чтобы они оставались здесь, и не хочется, чтобы уходили. У меня слишком много вопросов, слишком много сомнений, и ни на один вопрос они не могут ответить удовлетворительно, ни одно сомнение не могут разрешить. Это всего лишь нереальная история, в самом прямом смысле, выдумка какой-то извращенки с нездоровыми жуткими фантазиями, у которой есть дочь, поразительно похожая на мою.

Эми вытеснила Эсме из матки! Это же смешно. Мало сказать – нелепо. В это невозможно поверить. И тем не менее я при всем желании не могу просто так от этого отмахнуться. Физическое сходство Эсме с Эми еще может быть простой случайностью, но уж слишком точно она знает все подробности о жизни моей девочки, чтобы это можно было счесть догадкой или совпадением.

И еще сердце. Мое сердце. То, как оно сжимается и падает всякий раз, когда я смотрю на Эсме. Ее выражения, ее улыбка, то, как она пританцовывала под «Spice Girls», свет, бьющий из ее глаз. Я узнаю все это, и каждая деталь пробуждает забытые, казалось, инстинкты.

Либби права. Нам всем нужно время, чтобы собраться с мыслями, хотя вряд ли я и за целую вечность сумею разобраться в них и додуматься до чего-то, что не звучало бы чистым безумием.

Либби записывает в блокноте номер своего мобильного. Руки ее двигаются, словно в замедленной съемке.

– Через несколько дней мы возвращаемся в Манчестер.

Я, собственно, не слышу этих слов, просто читаю по губам.

– Что дальше – это уж вам решать.

Она делает Эсме знак встать и снять наушники. Девочка ни в какую не хочет выпускать из рук Багпусса, но Либби забирает его и кладет на диван. У Эсме вздрагивает губа, когда она оборачивается и машет мне на прощание – не всей рукой из стороны в сторону, а ладонью вперед, сгибая только пальцы, как когда-то Эми. Моя рука медленно поднимается ко рту. Может быть, она думает, что я машу ей в ответ, а не просто пытаюсь сдержать изумленный вздох. И может быть, так оно и есть.

Когда они уходят, я не знаю, куда себя деть. Слоняюсь по комнатам, рассматриваю их, словно ищу что-то, что точно должно быть здесь, и не нахожу. Даже вспомнить не могу, что ищу. Вижу только беспорядок, пыль, смятые диванные подушки, вещи, что валяются где попало.

Взбиваю подушки, поправляю фотографию Эми, раздумываю, не засунуть ли Багпусса в стиральную машину. Снова хватаюсь за тряпки и полироль.

Когда мы только начали жить вместе, Брайан находил очаровательной мою привычку искать средство от любых проблем и неприятностей в шкафчике для уборки. «Ароматические аэрозоли – это лучше и дешевле, чем тяжелые наркотики или алкоголь», – говорил он. Но это добродушное подтрунивание скоро сменилось раздражением и недовольством: он устал жить в химическом тумане и бояться положить что-нибудь не в точности на место, а чуть в стороне.

– Это ненормально! – твердил муж. – От грязи еще никто не умер. Даже наоборот. Она необходима для поддержки иммунитета.

Я не слушала и не обращала внимания. Когда яростно трешь и моешь что-то, это притупляет тоску, способствует выбросу эндорфинов и помогает поддерживать дом в идеальном порядке – хоть на время.

В гостиной я беру в руки беспроводные наушники, которые надевала Эсме. Хочу выключить и тут замечаю, что они уже выключены. Сначала думаю, что она, должно быть, нажала на кнопку, когда собралась уходить. Но тут мой взгляд падает на дисплей проигрывателя. Компакт-диск стоит на паузе на первой же песне, через тридцать секунд после начала. Эсме подергивалась в танце, подпевала одними губами и покачивала головой, но слышала наш с Либби разговор от первого до последнего слова.

Я чувствую себя одураченной, беззащитной, оскорбленной. Но этот обман обернулся против нее же: пусть она добилась того, чего хотела с помощью этой уловки, но подорвала то слабенькое доверие, которое я к ней питала. Эми никогда бы не опустилась до такой низости.

Я подхожу к столу, где стоит мой компьютер, и он оживает, стоит мне случайно дотронуться до мыши. Присаживаюсь на минутку, чтобы отдышаться, завороженная мерцанием монитора.

Перекладываю с места на место бумагу и ручки, пробую пальцами плитки офисного клея, выбрасываю их все в мусорное ведро – и тут слышу голоса за дверью. Подбегаю к двери и прикладываю к ней ухо. Никого нет. На этот раз никого. Паника отпускает, и я на цыпочках отхожу от двери. Хватаюсь рукой за перила.

Поднимаюсь по лестнице до середины и сижу там, наверное, несколько часов. Вот здесь я провела большую часть первых двух лет после исчезновения Эми. Каждое утро заставляла себя вставать с постели, но решимость иссякала, не успевала я пройти и половину пути вниз. Я замирала в прострации, прислонившись головой к перилам, и чувствовала себя при этом потерянной в ужасающей пустоте, бесцветной и непоколебимой, как каменная могила. Выхода не было.

А теперь это вечное неподвижное ничто заколебалось, как туман на ветру. Хочется верить, что Эми вернулась, и я мучаю сама себя, пытаясь ухватиться за этот шанс, за кусочек будущего, которому не суждено сбыться. Дрожь предвкушения. Волна надежды. А еще – вползающий в душу страх, вкрадчивые сомнения и притаившееся среди них безумие.

Я уже бывала близка к этому. Как тогда, в «Теско», когда увидела девочку, одетую – показалось – в одежду Эми. Не нужно было пытаться взять ее за руку. Я не понимала, что делаю. На ее крик прибежала мама. И охрана. Меня отпустили только тогда, когда кто-то из них меня узнал. Их жалость была такой же невыносимой, как и нападки матери. Она смотрела на меня так, как, вероятно, смотрела бы на ее месте любая мать: укоризненно, с отвращением, в ужасе от того, как можно было до такой степени не заботиться о собственной дочери.

Вначале, как только разнеслась новость об исчезновении Эми, общество мне сочувствовало, но время шло, поиски оказались напрасными, и сочувствие сменилось осуждением. Как я могла отпустить ее в парк одну, зная, что скоро стемнеет? Неужели сборы на вечеринку важнее, чем безопасность единственного ребенка? Любому ясно, чем это может обернуться! Как же я могла этого не понимать?

Инсинуации в прессе зашли еще дальше. СМИ утверждали, что я не просто ответственна за исчезновение Эми, но замешана в этом. Подробности обсуждались на mums.net и на сайтах новостей, хотя полицейские и заверяли, что подозревать меня оснований нет. В любом случае из меня сделали монстра, столь же опасного для детей, как и похититель Эми, кто бы он ни был.

Мои немногочисленные подруги, в основном бывшие коллеги и матери одноклассниц Эми, тоже начали сомневаться. Я видела это по глазам, когда они заходили в гости. В их расспросах о событиях той ночи явственно звучали нотки осуждения и недоверия.

Я перестала пускать их в дом, не отвечала на звонки и не подходила к двери. Вскоре они перестали мне звонить и писать на электронную почту. Я была рада. Теперь можно было горевать, не заботясь о том, чтобы это выглядело правильно и убедительно. Не нужно было больше смотреть женщинам вслед и думать, что они идут к своим детям, которые сидят дома в полной безопасности.

От одиночества у меня разгулялась фантазия. Стало казаться, что если желать чего-то очень сильно и долго, то это случится. Или если притвориться, будто все в порядке, так оно и будет.

Вот поэтому меня поймали в «Мазеркеар» с сосками и детской присыпкой, которые каким-то образом попали ко мне в сумку. И вот почему я оказалась в Хитроу, собираясь лететь в парижский Диснейленд, с билетом на имя Эми, хотя ребенка со мной не было. Я даже настояла, чтобы по радио передали сообщение для Эми Арчер, хотя и видела, что сотрудникам аэропорта известно это имя. Я не знала только, что они тут же вызвали полицию. Имя Эми звучало эхом в зале ожидания еще долго после того, как самолет улетел, а Брайан забрал меня из медпункта аэропорта.

А еще я слышала голоса. Голоса, которых на самом деле не было. Дочку.

Смех. Пение. И другие голоса, которые говорили, что я нездорова. Сумасшедшая. Что мне нужна помощь. Может, это был Брайан, может, мой психотерапевт, а может, общественность. Может, это был Бог.

Я не знала. Ничего уже не знала. Черное могло оказаться белым. Ночь – днем. Эсме – Эми.

3

Через несколько часов, спустившись с лестницы, замечаю на коврике у двери белый конверт. Раньше его там не было – уверена, – но голова у меня была так занята Эсме и Эми, что я ничего, кроме грязи, не видела.

Кладу тряпки и полироль на столик в холле и поднимаю конверт. Лицевая сторона чистая – ни марки, ни штампа.

«Опять реклама, – думаю я, – даже в канун Нового года. Точнее, уже в сам Новый год».

Хочу выбросить его, не вскрывая, но замечаю, что место склейки еще липкое – не от клея, а от слюны. Надрываю конверт и достаю листочки белой бумаги, покрытые машинописным текстом. Должно быть, это письмо, однако в начале нет ни адреса, ни приветствия. Только название.

Ноги подгибаются, когда до моего сознания медленно доходит, что это такое. От кого оно.

Сначала читаю торопливо, стараясь поскорее добраться до конца, но все время приходится возвращаться, чтобы убедиться, что я все поняла правильно. Хватаюсь за перила, чтобы не упасть. Опускаюсь на ступени, не отрывая взгляда от страницы. Сердце колотится. Дыхание будто остановилось.

Подношу страницы ближе к глазам и перечитываю.

История Эсме ЛОУРЕНС в пяти ЧАСТЯх

Знак Близнецов

Близнецы – зодиакальный знак родившихся в июне. Стихия – воздух. Разделены на половинки, потому и близнецы. Но эти половинки не одинаковые. Скорее, противоположные. Как добро и зло, горячее и холодное, да и нет. Мышление близнецов то и дело перескакивает с одного на другое. Взгляды меняют направление, как ветер. Люди называют их двуличными.

Ими управляет Меркурий, вестник богов. Меркурий вращается вокруг Солнца быстрее, чем любая другая планета. Поэтому Близнецы думают и говорят очень быстро.

Их цветок – роза. Она красивая и чудесно пахнет, но ее шипы ужасно колючие. В Викторианскую эпоху для цветов существовал специальный шифр. Каждый цветок имел свое значение, и его цвет тоже. Мой любимый цвет – розовый.

Розовая роза означает «верь мне».

Камень близнецов – агат. Он вулканического происхождения. Это твердый камень, его нельзя прожечь кислотой. Если его отполировать, он очень блестящий.

Я не Близнецы.

Но должна была быть Близнецами.

Морская свинка

Когда я жила в Лондоне, у меня была морская свинка по имени Луна. Ее подарили мне на седьмой день рождения. Купили мои другие папа и мама, хотя, скорее всего, это была папина идея.

С утра по воскресеньям мы с ним уходили гулять, чтобы мама могла отдохнуть и почитать газеты. На обратном пути я выпивала клубничный коктейль и съедала печенье в кафе в парке Далвич. А интереснее всего было заходить в большой зоомагазин и смотреть на зверей.

Папе больше всего нравились змеи и ящерицы. Он всегда надеялся попасть в магазин, когда их будут кормить, – хотел посмотреть, как змея глотает мышей. Я всегда молилась, чтобы мы не попали туда в это время. Но на самом деле папа просто дразнил меня. Продавец сказал, что они никогда не кормят змей и ящериц, когда в магазине посетители. Это же не зоопарк.

Мне нравились морские свинки – они милые, хорошенькие. Я уже сто лет приставала к маме с папой, чтобы купили такую. Мама говорила, что я никогда в жизни не стану за ней убирать и в конце концов ей придется это делать самой. А я клялась, что буду убирать каждую неделю. Даже сказала, что, если не буду, пусть она тогда совсем не дает мне карманных денег.

Дана тоже хотела морскую свинку. Это моя лучшая подруга в школе. Она жила в многоквартирном доме в Брандон-Эстейт. В таких домах нет дворов, так что свинку ей было нельзя. У нее только хомячок был. Но с хомячками скучно – они только ночью и вылезают.

Папа сказал, можно Дане тоже купить свинку, пусть живет у нас в саду. Но я слышала, как мама ему возразила, что тогда эта Дана будет каждый день к нам бегать свинку кормить.

Кажется, маме Дана не так сильно нравилась, как нам с папой. Мне стало жалко Дану, и когда она пришла поиграть, я дала ей подержать Луну. Тут-то мы и узнали, что Луна – мальчик. У него писюн был как земляничный «тик-так». Дана больше никогда не брала его в руки.

«Миссис Даутфайр»[5 - «Миссис Даутфайр» – комедия американского режиссера Криса Коламбуса.]

Я смотрела этот фильм на прошлое Рождество. Он немного дурацкий, мужчина там совсем не похож на старушку. Он еще толще нашего почтальона, а тот очень, очень жирный. Когда лифт не работает, он оставляет письма прямо в

вестибюле, и люди сами должны их разбирать.

Мама так потеряла новую кредитку – кто-то стащил из кучи писем. А потом пошел в «Траффорд-центр» и накупил кучу всего: большой телевизор, одежду от «Дизель» и так далее. В банке стали требовать все эти вещи назад, потому что мама не могла за них заплатить, а она их даже и не покупала. Ночью, лежа в постели, я слышала, как она плачет.

Мама иногда очень грустная. Она-то виду не подает, но я замечаю. Наверное, это потому, что она одна. Я мою посуду, чищу овощи и убираю в своей комнате, но этой помощи мало. Иногда она говорит, что она плохая мать. Но это неправда. Она самая лучшая. Такая же хорошая, как моя другая мама.

Если бы у меня был папа, ей было бы легче. Но папы у меня нет. Я его никогда не видела. Мама сама-то его видела только один раз.

С миссис Даутфайр, конечно, проще. Она смешная, добрая и все умеет. Взяла – и сделала семью из трех человек по-настоящему счастливой.

Фильм, конечно, немного дурацкий, но я, когда смотрела, плакала. И мама тоже. Я сказала ей, что все будет хорошо. Но миссис Даутфайр больше нет. Молния не ударяет дважды в одно место.

«Ледяной ветер»

Я уговорила маму пойти туда, когда мы были в Блэкпуле[6 - Блэкпул – город на северо-западе Англии, на побережье Ирландского моря. Один из немногих городов мира, где сохранились в первозданном виде электрические трамваи. В мае здесь проходит знаменитый Блэкпульский танцевальный фестиваль, а в начале осени – Blackpool Illuminations, фестиваль света мирового масштаба.]. Это было страшнее, чем «Big One». «Big One» – просто американские горки. Там только сначала дух немного захватывает. Вагончик поднимается круто вверх, а потом раз – и вниз по прямой. А после уже только спуски да повороты. Другие визжали всю дорогу, а я нет. Даже глазом не моргнула. Мама сказала, что я бесстрашная.

На «Ледяном ветре» стало ясно, что она была неправа.

Я ужасно-ужасно перепугалась, как только меня вдавило в сиденье красным страховочным поясом. На американских горках тоже пристегивали. Там было нормально. Все равно что в машине. А тут меня приковали очень крепко в какой-то ракете. Пояс меня будто в кулаке сжимал. Так туго, что вздохнуть не могла. Я стала вырываться и сказала маме, что хочу вниз. А она только рассмеялась и проговорила, что теперь-то отыграется. Я завизжала даже раньше, чем аттракцион запустили.

Я взлетела в небо так быстро, что подумала: «Наверное, это Бог протянул руку и схватил меня». Люди на земле становились все меньше и меньше. А потом превратились в точки. Уши заложило, желудок сделал мертвую петлю. Казалось, сердце у меня остановилось.

Я поднималась все выше и выше, над облаками, прямо в космос. Там было темно и холодно. Даже звезд не было. Я видела Землю внизу и старалась наклонить голову, чтобы силой тяжести меня притянуло обратно.

Но все поднималась и поднималась. Быстрее и быстрее. Выше планет, выше звезд. Лицо стало тяжелым, словно начало оплавляться. Я кричала: «Опустите! Опустите меня!»

Меня накрыло что-то мягкое и белое. Сначала я подумала, что это крылья ангела, а потом показалось, что это больше похоже на пузырь воздуха. Я стала опускаться, очень медленно, сквозь космос, сквозь облака.

Когда я приземлилась, мир казался другим. Он стал новым, незнакомым.

Сердце снова билось – быстро и громко, будто за двоих.

Пои

Жонглировать – это была у меня одна из любимых игр.

Я выиграла в школьную лотерею три кожаных жонглерских мяча. Сначала толком ничего не получалось. Даже два мяча не могла поймать, но скоро наловчилась и очень быстро смогла жонглировать тремя сразу.

Больше никто из девочек так не умел, и я стала им показывать на переменах. Некоторые очень даже хорошо научились жонглировать, а вот Дана все никак не могла. Подбрасывала первый мячик слишком высоко, чтобы он не так быстро упал, а второй слишком долго не решалась бросить. Мячи разлетались во все стороны, она плакала и дулась. Но не бросала, потому что хотела быть со мной заодно. И у нее начало получаться. Понемножку.

А однажды мисс Пратт показала нам пои. Это такие мячики на веревочке, маори с ними танцуют. Мисс Пратт сама была маори. У нее кожа такого же кофейного цвета, как у Ришны Патель, только у мисс Пратт еще и акцент смешной. Мы делали проект о Новой Зеландии и узнали все о капитане Куке, о том, как выращивают овец, и о культуре маори.

Мисс Пратт научила нас танцу хака и танцу с палками – это было похоже на игру в ладушки, только не ладошками, а палками. Дане это не очень понравилось, потому что она эти палки все время роняла.

С пои у нее выходило лучше – их ведь ловить не надо. Мисс Пратт показала нам, как их делать: протыкаешь старый теннисный мячик длинной толстой иглой, протягиваешь насквозь веревочку и завязываешь на конце узелком.

Мы брали по пои в каждую руку и вертели ладонями так, чтобы мячики описывали широкие круги. Когда весь класс делал это одновременно, мы были похожи на ветровую электростанцию. Мисс Пратт научила нас перекладывать оба мяча в одну руку, а потом обратно. Это даже у Даны получилось. Это было как держать в руках две планеты – они вращаются рядом, а между ними размытая пустота.

Я раскручивала пои так быстро, что казалось, будто они вообще не двигаются. Просто висят в воздухе сами по себе. Замерли. И от этого делалось хорошо и спокойно.

Мисс Пратт научила нас и песне, под которую танцуют с пои.

Покарекаре ана нга,

Ваи о Вайапу уити ату

Кое хине Марино ана э.

Э хине э хоки маи ра

Ка мате ахау,

Ай те арона э.

Мне очень понравилась и мелодия, и слова чужого языка, но я не понимала, что они значат. Мисс Пратт объяснила, что это песня про любовь.

Они неспокойны,

Воды Вайапу,

Но когда ты перейдешь их, девочка,

Они успокоятся.

О девочка, вернись ко мне,

Я умираю от любви к тебе.

Эти слова отлично подходили к танцу пои. Две планеты движутся навстречу друг другу, хотят быть вместе. Зовут вернуться. Обещают мир и любовь.

Внизу на листе приписано синей шариковой ручкой:

Учительница поставила мне за эту работу D и сказала, что я должна была написать свою автобиографию, а не сочинять. А я сказала, что это все правда. И

тогда она переправила оценку на E[7 - Имеется в виду восьмибалльная система оценок, практикующаяся в некоторых учебных заведениях Великобритании: A, B, C, D, E, F, G и U («неуд», от англ. Unclassified) по нисходящей.] – за вранье. А я не врала.

Кладу листы на стол. Руки дрожат. Не знаю, что и думать. В одном я уверена: это Либби, уходя, протолкнула письмо сквозь почтовый ящик. Да, может, она сама его и написала, откуда мне знать? Хотя дописано внизу детской рукой. Может, продиктовала это Эсме для большей достоверности?

Волнует меня не столько вопрос, кто из них двоих это писал, сколько само содержание. Это мешанина из двух жизней, сложенных в одну. Все подробности об Эми верны. Откуда хоть Либби, хоть Эсме могли узнать о морской свинке, о том, как звали дочкину учительницу, о ее воскресных прогулках с отцом в парк Далвич? А про песню маори я и сама забыла.

То, что им известно имя Даны, еще можно объяснить – оно упоминалось во всех газетах. Но все остальное? Просто невозможно, она не могла этого знать. Если только… Если только…

Нет. Не может быть, чтобы Эсме говорила правду, что она и правда Эми. Должен быть ответ. Логичное, однозначное объяснение. Должно быть. Пытаюсь – и не могу представить какое же.

4

Просыпаюсь я в кровати Эми. В спину упирается какой-то комок. Отодвигаюсь – и достаю Багпусса.

Он теплый, помятый, когда-то умильная мордочка выражает теперь скорее изумление. Или недоумение: как я могла поверить рассказу Эми? – а может, возмущение: как это я могу не верить?

Стискиваю его крепче и прижимаю к лицу. От игрушки пахнет синтетическим волокном и пылью. Интересно, узнал ли он прикосновение Эми, когда его

трогали пальцы Эсме? А я сама узнала? От этой мысли пробирает дрожь.

Поворачиваюсь на другой бок, и на пол падает сочинение Эсме. Оно смято – я на нем лежала, – уголки страниц загнуты и захватаны моими нетерпеливыми дрожащими пальцами. Я уже потеряла счет и не знаю, сколько раз перечитывала его, вглядываясь в каждую строчку, в каждое слово, пока они не начали представляться мне просто бессмысленными закорючками, которые, однако, притягивали и дразнили, словно шифр, что можно разгадать. Шифр так и не поддался, и меня сморил сон.

Снилась мне морская свинка, падающие звезды, недобро следящий за мной взглядом Багпусс, разлагающиеся куклы – и все это сквозь туман, то розовый, как жевательная резинка, то синий, как полицейские мигалки. Эми танцевала, держа в руке щетку для волос вместо микрофона, и вдруг превратилась в Эсме, а та – в Либби, которая протягивала ко мне руки и спрашивала, чего я хочу.

Я хочу, чтобы моя дочь вернулась. Хочу чувствовать, как ее руки обнимают меня. Хочу снова слышать ее смех. Не у себя в голове, а здесь, в доме. В жизни. По-настоящему. Хочу дурачиться с ней, обсыпая друг друга мукой, когда мы вместе печем кексы дождливым субботним днем. Хочу видеть, как плавно двигаются ее безупречные руки и ноги, когда она делает упражнения для танцевальной школы. Хочу гладить ее скаутскую форму, возить ее к подружкам на чаепития со сладостями, препираться с Брайаном по поводу того, что нужно купить ей для школы, и чтобы он целовал меня в знак примирения и смотрел на меня жалобными щенячьими глазами, перед которыми я никогда не могла устоять. Хочу снова почувствовать силу нашей любви вместо вспышек ссор и мучительной тишины.

Я хочу наставлять Эми, чтобы она не вздумала пить и курить, хочу купить ей первый лифчик, ругать ее за то, что не хочет садиться за уроки, что выбирает не тех парней, что поздно приходит домой или устраивает вечеринки без разрешения, когда нас с Брайаном нет дома.

Я хочу хвастаться ее отличными отметками, помогать ей укладывать чемодан, когда она соберется уезжать в какой-нибудь Оксбридж, толкаться локтями на ее выпускном вечере, чтобы сделать приличное фото, утешать ее, когда ее не возьмут на работу, вносить залог за ее первый дом, успокаивать, когда она будет волноваться перед свадьбой, и ворковать над снимком УЗИ, на котором будет ее ребенок. А потом начать все сначала – уже с ее детьми.

Я хочу всего этого. И это возможно. Большая часть, по крайней мере. У Брайана теперь новая жена, Фиона, и воссоединиться уже не получится, но примириться, вернуть те понимание и близость, какие были у нас когда-то, – уже что-то. Если у нас обоих снова будет Эми, может быть, чудеса не закончатся.

Все возможно. Может стать моим. Если позволю себе поверить.

Прилив адреналина поднимает меня на ноги, и я бегу вниз по лестнице. Хватаю свой сотовый со столика в прихожей, набираю номер и жду. Телефон звонит, звонит… и наконец автоответчик сообщает, что Ассоциация медиумов закрыта до второго января.

– Черт!

Подумав, я оставляю сообщение:

– Это Бет Арчер. Мне нужно еще раз встретиться с Ианом Пойнтоном. Пожалуйста, перезвоните и назначьте прием на ближайшее свободное время. Или, может, дадите мне его номер, я сама позвоню? Пожалуйста. Это очень срочно!

Необходима ясность. Может, Пойнтон сумеет помочь. Его предсказание сбылось – и очень быстро. Не в состоянии больше ждать, я бегу к компьютеру на столе в гостиной. Он старый, медленный – потрескивает и гудит, постепенно оживая. Я молюсь, чтобы он хоть раз в жизни не завис и дал отыскать в Интернете контакты Иана.

На сайте Ассоциации медиумов его номера нет, зато на его личном сайте есть все: фото, короткий рекламный текст и телефон. Хватаю трубку и набираю. После пятого гудка он отвечает невразумительным бурчанием.

– Иан? Иан Пойнтон?

– Да. – Голос хриплый.

– Слава богу! Вы должны мне помочь!

– Кто это? – говорит тревожно и недоверчиво, будто я какой-нибудь телефонный хулиган; может, так оно и есть.

– Миссис Арчер. Бет Арчер. Вы сегодня предсказывали мне будущее. В Ассоциации медиумов.

Он кашляет:

– Вчера, хотите сказать?

– Ах да, – тихо говорю я.

Быстрый взгляд на запястье – на часах пять двадцать пять.

– Конечно вчера. Извините. Но… это важно. Просто необходимо… Я…

– Миссис Арчер?

– Зря я позвонила.

– Я уже не сплю. – В его вздохе слышится плохо скрытое недовольство. – Правду сказать, еще и не ложился. Новогодняя ночь все-таки, это же раз в году бывает. – Он зевает. – У вас расстроенный голос.

Я киваю, хотя собеседник этого и не видит.

– То, что вы сказали мне вчера, исполнилось.

– Ну… Извините, если это прозвучит самонадеянно, но это не редкость – то, что мне показывают духи, происходит на самом деле.

– Для меня – редкость. – Прикладываю руку ко лбу и не отпускаю, словно стараясь таким образом уберечь свой рассудок.

– В таком случае признателен вам за благодарственный звонок, но… разве нельзя было отложить его до более подходящего времени? – Недовольство в его

голосе сменяется настоящим раздражением.

– Я не за этим звоню, – говорю я быстро. – Нужен еще один сеанс. Прямо сейчас, если можно. Пожалуйста!

– Сейчас?

– Если вам не трудно. – Я выпрямляю спину в ожидании.

– Извините. Не могу.

– Но… – Я ссутуливаюсь. – Почему?

– Потому что в голове у меня сейчас только два духа – Джонни Уокер и Смирнофф. И вообще, я не даю сеансов по телефону. Некоторые экстрасенсы так делают, но для меня из этого никогда ничего хорошего не выходило – и для клиентов тоже.

– Пожалуйста! Вы должны! Я в отчаянии! – Крепче стискиваю в руке телефон.

– Видно. И это не самое подходящее состояние для сеанса. – Его вдруг ставший деловым тон действует мне на нервы. – Думаю, лучше всего будет, если вы запишетесь ко мне на прием в ассоциации. Буду там через две недели. А до тех пор у меня отпуск.

– Но вы должны понять! Я не могу столько ждать. Пожалуйста! Умоляю! Я заплачу, сколько хотите!

Телефонная трубка уже скользкая от пота.

– Дело не в этом, миссис Арчер, – твердо говорит он. – Просто…

– Вы нужны мне, Иан. Вы не можете отворачиваться от людей, которые нуждаются в вашем даре.

Он снова вздыхает и говорит, что попытается, хотя и не в восторге от этой идеи. Подчеркивает: нет гарантии, что получится.

– Возможно, поможет, если вы будете держать что-то в руке. Фотографию или часы. Что-нибудь такое. Но не говорите мне, что это. Вообще ничего не говорите.

Через несколько секунд я возвращаюсь с Багпуссом и фотографией Эми в одной руке и сочинением Эсме – в другой. Пусть он судит, что все это значит, – сама я не знаю, что и думать.

Зажмуриваюсь и задерживаю дыхание. Хоть бы экстрасенс сказал что-нибудь определенное.

– Извините, – говорит он через несколько минут. – Как я и ожидал. Ничего. Темнота и тишина.

Наклоняюсь ближе к трубке:

– Попробуйте еще. Пожалуйста!

Неотрывно смотрю на фотографию Эми, надеясь, что изображение передастся Иану на его третий глаз, но он опять говорит, что ничего не видно. Вся сжимаюсь, чтобы заглушить рыдания.

– Наверное, лучше на этом закончить, – произносит он, снова подавляя зевоту.

– Погодите. Вы…

Я сажусь прямо, перевожу дыхание и только после этого нахожу в себе силы договорить. Боюсь услышать его ответ – боюсь того, что? он будет значить для меня и к чему это приведет.

– Вы верите в реинкарнацию? – выпаливаю я.

Кажется, в этих словах вызов.

– В реинкарнацию? – В голосе мужчины сквозит удивление. – Ну да, я читал кое-какие воспоминания о прошлых жизнях, – продолжает он после секундного молчания. – Это было впечатляюще. И видел, как некоторые из моих коллег проводили сеансы регрессионной терапии – с поразительными результатами. Так что да, я верю в реинкарнацию.

– Регрессионной терапии? – У меня широко распахиваются глаза.

– Люди вспоминают прошлую жизнь под гипнозом.

– Это оно! – Я резко вскакиваю, Багпусс и сочинение падают из рук, и только фотографию Эми держу крепко; голос срывается от надежды и слез. – То, что мне нужно! Это истребит все сомнения.

– Вы явно… слишком взволнованы, миссис Арчер. Если хотите попробовать регрессионную терапию, лучше подождать, пока немного не придете в себя. Это и так-то дело непростое.

Но я слишком возбуждена, и его доводы не действуют.

– Можно записаться на прием? Прямо сейчас?

– Как я уже сказал, у меня отпуск. И в любом случае я не занимаюсь регрессионной терапией. Нет квалификации. – Медиум вздыхает. – А теперь мне и правда нужно идти. Поспать хоть немного. Чек можете прислать через ассоциацию.

Я вешаю трубку и вытираю глаза рукавом. Сама не знаю, чего от него ждала, но чувствую разочарование. Что угодно, лишь бы не молчание! Даже самый слабый намек на отклик мог бы сдвинуть баланс в ту или иную сторону, а тишина и пустота оставляют меня по-прежнему на грани.

Ставлю фотографию Эми обратно на каминную полку. Теперь ее улыбка уже не кажется такой милой и беззаботной. Кладу Багпусса на диван. Глаза-бусинки так и впиваются в меня. Бросаю сочинение на стол, и слова будто скатываются с его страниц. Хватаю пальто с вешалки в коридоре и выбегаю за дверь.

Шагаю ровно, быстро, четко, а потом – торопливо, лихорадочно. Сама не знаю, куда иду. Останавливаюсь перевести дыхание, оглядываюсь – не смотрит ли на меня кто? Где я? Что делаю? Но вокруг никого. Весь город очарован новогодним сном.

И все же, кажется, я слышу шаги.

Бегу вдоль улицы. Подбегаю ближе к реке, пробираюсь среди бутылок от шампанского, пивных банок, коробок из-под бургеров и раскисших бумажных ленточек. Иду путями, о которых раньше и не догадывалась, сворачиваю то влево, то вправо – куда ноги несут. Главное – не останавливаться.

На Боро-Хай-стрит приходится обходить компанию, выплясывающую буйную конгу.

– С Новым годом! – кричит один из танцоров.

Хватаюсь рукой за стену и иду дальше. Держусь за нее, не решаясь оглянуться на весельчаков.

– Господи, вот это набралась!

– Интересно, что она пила? Мне бы сейчас того же!

Их смех обжигает. Бегу дальше и наконец выныриваю у входа на рынок «Боро».

Никого. Ларьки закрыты, тенты в разноцветную полоску свернуты под темными металлическими арками. Земля вокруг усеяна пустыми бутылками и банками, кучи мусора выглядят празднично из-за блестящих конфетти и помятой пластиковой трубы, запахи пива и мочи смешиваются с привычным ароматом, устоявшимся здесь за «тысячи лет» торговли: опилки, подгнившие овощи, кровь. Запах чего-то вечного, сталкивающегося с временным. Праздника и разложения.

Колокола Саутуоркского собора звонят восемь раз. Оглушительный звук отдается у меня в голове. Бегу туда, завороженная надеждой найти прибежище. Спасение. Истину.

Сворачиваю за угол, молясь на бегу, чтобы собор был открыт. Серо-бежевый храм упирается верхушкой в светлеющее небо, словно старается обратить на себя Божье внимание. Тяжелые деревянные двери приоткрыты. Скрипят, когда я распахиваю их и врываюсь внутрь через еще одну дверь. Женщина в рабочем халате, протирающая тряпкой церковные скамьи, вздрагивает от неожиданности.

– Ох, напугали вы меня! – Она нервно улыбается.

Взгляд у нее бегает в разные стороны, словно она прикидывает, сумеет ли убежать, если понадобится. Я пытаюсь перевести дыхание, убираю за уши растрепавшиеся волосы. Старательно выдавливаю улыбку.

– Можно войти? – спрашиваю шепотом.

– Мы готовимся к благодарственному молебну. – Тон сухой, официальный, словно я нахально вторглась на чужую территорию.

– Пожалуйста, – произношу я, протягивая к ней руки. – Мне просто нужно присесть, подумать. Помолиться.

– Да, – медленно говорит женщина. – Можно, наверное. – Она встряхивает пыльную тряпку и чихает. – Ну, если вам не помешает пылесос… Двери храма Божьего всегда открыты, как говорится.

Она включает пылесос и начинает водить им возле купели. Я иду по центральному проходу. Пристальные взгляды святых на витражах почти скрывает полумрак. Склоняю голову под этими взглядами. Иисус смотрит с презрением.

На цыпочках подхожу к алтарю, но женщина, полирующая перила, показывает налево, где ряд скамей заканчивается у входа в маленькую часовню. Вывеска на двери гласит, что это Гарвардская часовня для уединенной молитвы и тихих размышлений.

Вхожу. Сажусь на стул в дальнем углу, радуясь, что можно прислониться к колонне рядом. Потираю виски – вот бы еще умолк этот пылесос! Вскоре он и

правда умолкает.

В часовне так тихо и спокойно, что кажется, будто я слышу, как оплавляются свечки у алтаря. Я долго-долго смотрю в арку окна… Наконец все цвета начинают сливаться, и маленькие фигуры, стоящие на коленях перед самодовольным Иисусом, тонут в них.

Подпись поясняет, что старинное окно было разрушено во время бомбежки Лондона. Профессора и бывшие студенты Гарварда собрали средства для реконструкции в память основателя университета, которого когда-то крестили в этом соборе. Судьба протянулась сквозь огромное расстояние, сквозь бурный океан к дальним мирам, дотянулась сквозь время, чтобы исправить разрушенное. Исцелить. Может быть, и Бог сделал то же самое, когда послал мне Эми в обличье Эсме.

Внезапная вспышка солнечного света. Окно загорается, и ярче всего светятся красные буквы в центре. VERITAS. Истина.

Мое сердце колотится. Молю, чтобы Господь направил меня, так же истово, как молилась когда-то о том, чтобы Эми вернулась живой и невредимой. Горькие слезы обжигают лицо.

– Помоги мне, – всхлипываю. – Прошу Тебя, помоги…

Чувствую справа движение и отрываю взгляд от окна. В дверях стоит молодой человек в серой рубашке и белом пасторском воротничке. Лицо мягкое, встревоженное.

– Простите. – Он входит в часовню. – Что-то случилось?

– Ничего. – Я вытираю лицо рукавом пальто.

– Если хотите поговорить…

– Нет, – быстро произношу я и заставляю себя улыбнуться, чтобы смягчить резкость. – Но спасибо.

Священник достает из маленького шкафа коробку свечей и зажигает одну, чиркнув спичкой. Огонек тусклый, неровный, но, постепенно разгораясь, становится выше и ярче.

Молодой пастор убирает коробку обратно в шкафчик и улыбается:

– Хорошо. Оставлю вас с миром.

Если бы это было так просто…

– Погодите, – говорю я. – Пожалуйста.

Указываю глазами на стул рядом. Слуга Божий принимает приглашение:

– Чем могу помочь?

Я закусываю губу:

– Вы решите, что я просто сумасшедшая, отчаявшаяся женщина, и, бог знает, может быть, это так и есть, но… – Я качаю головой.

– Продолжайте, – мягко говорит он.

Я с трудом заставляю себя взглянуть мужчине в глаза и спрашиваю, верит ли он в возможность реинкарнации.

Мой собеседник приподнимает брови:

– Признаюсь, не ожидал. – Улыбка у него скорее сочувственная, чем насмешливая. – Но вопрос не такой уж глупый. То есть совсем не глупый. – Он ерзает, стул под ним скрипит. – Видите ли, я полагаю, что на свете все возможно, может быть, даже реинкарнация…

– Но?..

– Но думаю, что вряд ли.

Сердце у меня будто падает.

– Это логика или вера? – спрашиваю я, хотя и не уверена, что это имеет значение.

– И то и другое. Это подрывает основы веры. – Он кладет руку на сердце. – Моей веры. Однако миллионы практикующих христиан думают иначе. Наша церковь обширна во всех смыслах: в ней есть место и для людей, которые верят в то, что другие могут счесть глупостью или несообразностью.

Я проглатываю комок и киваю.

– А почему вы спрашиваете? – Он склоняет голову набок.

– Просто так, – отвечаю я быстро. – Все эти предновогодние разговоры… Вы же знаете: новая жизнь, конец старой, мечты. Все во всем сомневаются, все анализируют.

– Это немного действует на нервы. Правда? Но в то же время и воодушевляет. Вселяет надежду. – Он кладет руку на мою. – В конечном счете все мы находим утешение в какой-нибудь вере: в буддизме, в христианстве или в «Манчестер юнайтед». Верить во что угодно лучше, чем не верить ни во что. Главное – чтобы вам это казалось правильным, истинным.

– Но как можно быть уверенным, что чувства не обманывают? – В моем голосе снова прорывается отчаяние.

– Ну разумеется, у нас у всех бывают сомнения, – говорит он, неторопливо пожимая плечами.

– Даже у вас?

Он встает и улыбается.

– Вы не поверите, – показывает он на свой пасторский воротник, – но это не спасает от минут колебаний. Да я бы и не хотел. Сам Господь каждый раз

возвращает меня на путь веры – и от этого знания моя вера крепчает. – Он проходит мимо свечи, и пламя, затрепетав, гаснет. Струйка дыма поднимается, как маленький серый призрак. – Вот видите, – говорит священник. – Даже свет Божий иногда приходится зажигать заново. – Он зажигает свечу и уходит.

Над дверью висит красная табличка, на ней золотыми буквами – одно слово.

VERITAS

Я быстро отворачиваюсь и долго смотрю на вновь зажженную свечу. Сильное ровное пламя завораживает. Мне так не хватало яркого, ясного света надежды и опьяняющего тепла любви, так хочется снова почувствовать их жар! Может, Эсме – последний шанс… Если я решусь ей поверить.

Сходство девочки с Эми поразительно. Ее память о прошедших событиях сверхъестественна. Точность непостижима. Ни одна из тех подробностей, что она мне назвала, не упоминалась в прессе, не считая того, что Эми увлекалась «Spice Girls», а это вряд ли такая уж большая редкость для десятилетней девочки того времени. Эсме произносила каждое слово с непоколебимой уверенностью, без тени сомнения. Не могла же девочка, тем более маленькая, разыграть такой спектакль так безупречно, уверенно.

Отрываю взгляд от свечи. Смотрю вверх. Камни и арки потолка соединяются, как пальцы молитвенно сложенных рук. На одном из камней светится позолоченный шестиугольник, в центре которого по ярко-красному фону бегут золотые буквы.

VERITAS

Встаю, чтобы уйти, но задерживаюсь в дверях часовни. Смотрю на табличку над головой, на камень в потолке, на сияющий прямоугольник окна.

VERITAS

Тройное подтверждение.

Трижды повторенная истина.

Иду по проходу к дверям, потом выхожу на Боро-Хай-стрит. Все это время меня преследует эхо собственных шагов. Остановившись перевести дыхание, чувствую на себе чей-то взгляд – и нервно оборачиваюсь.

На меня глазеют пустые оправы из витрины оптики. Реклама бифокальных очков заверяет, что я все увижу в новом свете. Чувствую, как безумие шевелится внутри, словно паук в углу. Делаю глубокие, медленные вдохи, в точности как учил доктор Морган.

Это была идея Брайана – пойти к психиатру – последняя отчаянная попытка заставить меня начать новую жизнь. Вначале мы вместе ходили на прием к специалисту по проблемам переживших тяжелое горе – в душный кабинетик в местной клинике. Брайану понадобилось совсем немного времени, чтобы обратить на меня обвиняющий перст, вслед за прессой.

Сначала-то муж убеждал меня не обращать на писак внимания, говорил, что им нужен козел отпущения, раз уж полиция не нашла преступника. Говорил, что я была хорошей матерью, но в глазах у него читалось совсем другое. Черная тень сомнения.

Это я виновата, что Эми пропала. Это я за ней не следила, когда должна была стоять рядом, не спуская глаз. Это я отпустила дочь одну, через дорогу, играть без присмотра, лишь бы она не путалась под ногами.

Ответом на его нескончаемые обвинения были все те же знакомые до боли слова. До ворот парка от нашего дома каких-то пятьдесят метров, машин на дороге почти нет, на площадке она была вместе с подругой, ей было десять лет, она была разумной, смышленой девочкой. Ее должен был забрать надежный взрослый. Откуда мне было знать, что подружка убежит и бросит нашу дочь?

И вообще, чем я в этот вечер была так занята? Собирала нас обоих на вечеринку, важную для него и для его бизнеса. А он где был? На работе, заканчивал рекламу какой-то паршивой туалетной бумаги, которая вполне могла бы

подождать день-другой. Разве что дело не в аврале, просто какой-нибудь большеглазой сослуживице не терпелось сделать себе имя. Мы оба не смотрели за ребенком.

Психотерапевт ерзал, заикался – и в конце концов предложил нам ходить на прием по отдельности. Тогда Брайан отказался вообще.

– Бет, мы только и делаем, что ходим кругами, – сказал он, сжимая кулаки. – И это больно. Я должен справиться сам. По-своему. Может быть, и тебе стоит попробовать.

– Не могу. Мне легче, когда есть с кем об этом поговорить. Лучше бы это был ты, но…

Еще какое-то время я походила к психотерапевту, но состояние не улучшалось – и тогда Брайан предложил обратиться к психиатру. Злил скрывавшийся в этом предложении тонкий намек, что вся проблема во мне, но я понимала, что нужна помощь.

Доктор Моран и правда помог, по крайней мере поначалу.

В тихом кабинете с видом на пышный, чистый садик в его доме в Далвиче доктор внимательно слушал мои рассказы об Эми и впитывал мою злость и муку, как губка воду. Но когда он стал пытаться зайти дальше, разобраться в моем прошлом и в отношениях с Брайаном, я начала сопротивляться.

– Все это не имеет никакого отношения к гибели Эми! – Я выставила ладони перед собой, удивляясь, как он сам этого не понимает.

– Но это имеет отношение к тому, как вы продолжаете жить без нее, – кивнул он.

– Без нее мне жизни нет.

– Но может быть, – сказал он, сдвигая вместе кончики пальцев. – Если вы захотите.

Он утверждал, что смерть Эми нанесла мне такую страшную травму еще и потому, что во всех остальных отношениях моя жизнь не удалась.

– Вы отказались от карьеры в рекламном бизнесе, чтобы растить дочь. Утратили статус, который давала работа, утратили независимость. Ощущение своего места в мире. Теперь, когда Эми нет, у вас остался только брак. – Он еле заметно пожал печами. – Может, этого мало?

Мало. Всегда было мало. Да и как могло быть иначе? Ведь одной из частей этого уравнения была я.

Нас с Брайаном свела вместе реорганизация отдела в небольшом рекламном агентстве. Меня, к удивлению и облегчению, не уволили, и, к еще большему удивлению, я стала работать в паре с ведущим специалистом фирмы.

Он не захотел сидеть у себя в кабинете и сразу потащил меня в соседнее кафе. Наши отношения начались на фоне сигаретного дыма, в запахах табака и подгорелых тостов. Там все пылало и тлело, и наша страсть не стала исключением.

Сидя в кабинке с шаткими кожаными креслами и облупленным столиком из формайки, он выдавал один броский слоган за другим. Я была просто секретаршей – записывала под диктовку, обрабатывала его идеи, чтобы выходили доходчивые рекламные тексты. Тексты, которые получали награды.

Он помог мне казаться лучше, чем я была, и моя благодарность переросла в любовь. Его любовь пробудила моя уступчивость, которой не стало, когда появление Эми изменило мои приоритеты.

То, что я считала родительской ответственностью, он принимал за мелочный контроль. Я хотела для Эми самого лучшего и делала для этого все, что могла. Муж хотел того же, но считал, что девочка будет счастливее, живя своим умом, как независимая личность. Либеральное воспитание, как он это называл. Я же называла его опасным, для ленивых. Закипали ссоры, тлели обиды.

– Проблема не в моем браке, – заверила я доктора Моргана.

– Частично в нем. Поработайте над этим, и тогда, возможно, вам удастся привести в порядок остальное.

Как будто это так просто.

– Это не вернет Эми, – проговорила я сквозь сжатые зубы.

– К сожалению, ее ничто не вернет. Но если вы с мужем будете любить друг друга с той же страстью и глубиной, с какой сейчас обвиняете, возможно, в один прекрасный день у вас появятся новые дети.

– Никто не заменит Эми! – Одна мысль об этом меня потрясла; я почувствовала себя предательницей, отступницей.

– Я не говорю о том, чтобы заменить Эми, – твердо произнес психиатр. – Я говорю о том, чтобы вы нашли себя.

Больше я к нему не ходила. Через несколько месяцев мой брак рухнул под тяжестью интрижки, что Брайан завел на работе.

– Фиона ни в чем не виновата, – сказал муж. – Дело в тебе, в твоей нездоровой зацикленности.

– Это не зацикленность!

– Да? А как же, по-твоему, это называется?

– Любовь.

Ясно и понятно, к какому заключению пришли бы они с доктором Морганом, если бы я сказала, что Эми вернулась. Сказали бы, что я обманываю себя. Невротичка. Сумасшедшая.

Может, так оно и есть.

Прижимаюсь головой к окну оптики. Холодное стекло успокаивает. Взгляд падает на плакат о проверке зрения.

«Что проходит мимо вас?»

Под ним выставлены контактные линзы «Clear View».

«Загляните в будущее».

Я снова прислоняюсь головой к окну. Часы собора отбивают полчаса. Вспоминаю о том, что видела в Гарвардской часовне.

VERITAS

Опять слышу слова священника: «Сердце подскажет, во что верить». Вижу инициалы Эми, выцарапанные на крыльце. Блеск ее волос. Чувствую под рукой мягкие, теплые локоны Эсме. Мгновенное узнавание, вспышка надежды на будущее. Внезапное решение.

Достаю телефон из кармана пальто. Сообщение для Либби написано и отправлено в мгновение ока.

«Я верю».

5

Всю дорогу домой я держу телефон в руке. Уверена, что Либби позвонит, как только увидит мое сообщение, представляю, как они обе сидят у себя в номере и ждут не дождутся от меня вестей. Но телефон упорно молчит.

Отчасти я уже жалею, что не промолчала тоже. Не опрометчиво ли это – отправлять сообщение в такой момент… да и вообще отправлять такое

сообщение.

«Я верю».

С той секунды, как я нажала на кнопку «отправить», мысли беспокойно роятся в голове, мечутся от веры к недоверию и обратно.

Я решила, что с помощью надписи «Veritas» в соборе Господь убеждает меня поверить, а реклама в витрине оптики – Его же зашифрованное послание, еще одно подтверждение для верности. Но что, если Бог опять играет со мной в кошки-мышки? Он ведь допустил, чтобы Эми похитили, Он не захотел вернуть ее мне, невзирая на все мои молитвы. Может быть, это опять жестокий обман, просто для того, чтобы еще меня помучить?

Должна признать: я хочу ошибиться. Хочу, чтобы Эсме оказалась Эми. Но я знаю: можно хотеть чего-то, желать до боли, но это еще не основание для веры. Мне нужны доказательства, а я не представляю, как можно доказать это со всей непреложностью, так, чтобы не осталось места для сомнений.

Даже если Эсме скажет, где тело Эми, откуда мне знать, что это правда? Станут ли в полиции слушать десятилетнюю девочку, станут ли копать, где она укажет? А если и станут и найдут тело Эми, Либби придется ответить на пару неудобных вопросов. В их интересах не говорить мне, где тело, даже если они и знают.

Я должна любыми путями найти доказательства, что Эсме – та, за кого себя выдает. Должна прислушиваться и к голосу сердца, и к голосу разума, а я не уверена, что тому или другому можно доверять.

Вдруг мне приходит в голову: «Может быть, Либби не отвечает на сообщение, потому что сама мне не доверяет?» Она, конечно же, спросит, почему я вдруг поверила в их историю, а мне нечего ответить. Пока нечего. Ничего конкретного. Все, что у меня есть, – надежды и мечты, а это вряд ли устроит ее, да и меня тоже.

Понимаю, что для ее молчания имеются и более рациональные причины. Может быть, они еще спят, хоть я и сомневаюсь, что кому-то из них удалось заснуть. Может быть, они завтракают и не хотят звонить по такому серьезному поводу из ресторана отеля. Возможно, аккумулятор разрядился или у Либби на счету

кончились деньги.

Телефон звонит.

– Алло?

– Бет! С Новым годом!

– Джилл. – Надеюсь, в голосе не слышно разочарования. – И тебя тоже с Новым годом!

– Рано ты сегодня на ногах. Я только что звонила тебе домой.

– Нужно было выйти, глотнуть свежего воздуха. – Я поднимаю повыше воротник пальто и для того, чтобы как-то замаскировать свою ложь, и от холода.

– Я бы сама не отказалась, – говорит она. – Чертово шампанское! И выпила-то всего пару бокалов, но в моем возрасте… – Она встревоженно понижает голос. – Ты-то как провела эту ночь? Я все время думала о тебе, но не хотела звонить. Знаю, ты не любишь, когда тебя беспокоят.

Беспокоят… Если бы она только знала. Но узнать неоткуда. Пока. Она сама ни за что бы не поверила в историю Эсме, но не удивилась бы, если бы поверила я. Моя вера еще не успела окрепнуть и может рухнуть под тяжестью ее насмешек.

Джилл была мне верной подругой с тех пор, как пропала Эми. Я даже не знала ее, пока дочка была жива, – почти не знала, хотя наши пути пересекались дважды в день, ежедневно, возле школы.

Джилл, в ярко-желтой куртке и кепке, останавливала движение, держа в руке специальный знак на длинной ручке. Стальной взгляд, которым она пронзала водителей, смягчался, когда она оборачивалась к детям и махала им, давая понять, что можно переходить без опаски. Для каждого родителя она находила ободряющее слово, для каждого ребенка – улыбку, а поощрительные карточки и шоколадки в конце каждой четверти у нее не переводились.

Когда Эми исчезла, я старалась не подходить к школе и специально не ходила никуда, пока все матери не заберут детей домой. Тяготила необходимость стараться как ни в чем не бывало разговаривать с их детьми, одноклассниками Эми, – это напоминало мне о зияющей пустоте, оставшейся после моей малышки.

Бассейн, танцы, сборы скаутов, дни рождения – это был кислород, которым дышала моя дружба с их родителями, а ожидание у ворот было ее легкими. Лишившись всего этого, наши отношения увяли, а затем и вовсе резко оборвались, когда пресса обрушилась на меня с обвинениями.

Но Джилл заходила ко мне по пути с работы, заваривала чай и терпеливо слушала плач и завывания. Она не верила, что я виновата в исчезновении Эми, и считала, что те, кто верит, тычут в меня пальцем просто потому, что сами пытаются избавиться от чувства вины за все те случаи, когда у них не хватало времени на собственных детей.

– Дело даже не в тебе, Бет, как может показаться на первый взгляд, – говорила она. – Дело в них самих. Ты – их оживший кошмар, им легче забыть о собственных демонах, когда есть кого обвинить.

Ее поддержка была безоговорочно твердой. Я боялась, что скоро надоем женщине и она станет отдаляться, но она не отступалась, продолжала заходить, даже когда из-за артрита ей пришлось уйти с работы.

– Уже не могу так быстро выскакивать перед машинами, – пояснила она. – И холод весь день так и сидит в костях. Зато теперь будет больше времени на наши дела!

Она говорила, как доктор Морган. Тот всегда пытался убедить меня выходить из дома и найти какое-нибудь дело. Кино, музеи, театры отвлекут меня, говорил он, а кружок любителей живописи или поэзии даст возможность выразить себя и познакомиться с новыми людьми. Но все эти отвлекающие занятия ничего мне не давали.

Джилл подошла к делу немного с другой стороны:

– Когда Артур умер, я присоединилась к Обществу друзей библиотеки Дарнинга. Не хочу сказать, что смерть от сердечного приступа на крикетном матче в

«Овале» может идти в какое-то сравнение с тем, что ты пережила с Эми, но все же это было тяжелой утратой. Друзья помогли мне заполнить пустоту. Может быть, это и тебе поможет.

– Думаю, я еще не готова, – покачала я головой. – Может быть, когда-нибудь потом.

Она улыбнулась:

– Я человек неисправимо назойливый, что и делает меня идеальным Другом с большой буквы, зато как друг с маленькой буквы я подчас бываю невыносима. Я от вас не отстану, Бет. Поверьте, лучший способ пережить утрату близкого – это другие люди. Только подходящие. Не затем, чтобы занять место ушедшего, а чтобы напомнить вам, что значит жить.

Она настаивала мягко, вежливо, но не оставляла ни единого шанса устоять. В конце концов я сдалась и присоединилась к группе добровольцев, которые организовывали благотворительные распродажи, делали бутерброды и пирожные для торжеств и собирали деньги, когда не хватало государственной поддержки.

Где одна группа волонтеров, там и другая. Я стала другом церкви Святого Ансельма, местной благотворительной организации, обучавшей людей садоводству, Кеннингтонского общества садоводов и Имперского военного музея. Но даже Джилл наконец остановилась после попытки убедить меня присоединиться к группе друзей Кеннингтонского парка.

Группы, к которым я принадлежу, – это обычно одни и те же люди с разными беджиками, на ходу меняющие свои интересы и проблемы. Почти все старше меня и не так торопятся осуждать других, как мои ровесники. Может, это потому, что они ближе к закату жизни, ближе к Богу и хотят показать, что умеют прощать, в надежде получить, в свою очередь, прощение от Него.

Какова бы ни была причина, но их мудрое сочувствие и понимание дают мне право и возможность думать о своем. Вместо того чтобы отвлечь меня от моего горя, Джилл, сама того не желая, нашла теплую и влажную среду, в которой мысли и воспоминания об Эми размножались, как бактерии.

В последнее время она уже стала говорить, что мне нужны еще какие-нибудь друзья, помимо тех, что ассоциируются с квитанциями оплаты, информационными бюллетенями и ежегодными общими собраниями. Друзья-ровесники с общими интересами.

Я многим делюсь с Джилл, и теперь меня просто распирает – так хочется рассказать ей об Эсме. О том, что Эми, может быть, вернулась. Но не могу. Точно так же я никому не говорила, что беременна Эми, даже Брайану, пока не убедилась окончательно. И даже тогда велела ему держать это в секрете, пока первое УЗИ не показало, что все хорошо.

Сейчас у меня нет снимка УЗИ. Нет доказательств. Придется ждать. А пока можно хотя бы избавить Джилл от беспокойства за меня.

– Не волнуйся, – говорю я, шагая по улице. – У меня все хорошо. Даже почти радужные ожидания от этого года.

Пауза.

– Да, – говорит она, – голос у тебя и правда… веселый, оживленный. Может быть, десятая годовщина станет поворотным пунктом.

– Возможно, ты права.

– Больше не будешь оглядываться?

Это одновременно и вопрос, и наставление.

– Нет необходимости, – отвечаю я с уверенностью, которой на самом деле не ощущаю.

– Отлично. Я заеду попозже. Поделимся планами за чашкой кофе. Привезу сладких пирожков, остались еще.

Меня охватывает паника. Еще не время. Я могу не удержаться и рассказать ей все, если только она сама не догадается о важных переменах в моей жизни, хотя угадать, в чем именно они состоят, не под силу даже Джилл.

– Вернусь я еще не скоро, – говорю я.

Это ложь, я уже сворачиваю на свою улицу и нашариваю в кармане ключи от дома. Первая из многих и многих, что мне предстоят, если хочу скрыть истину. Обещаю Джилл перезвонить попозже и вешаю трубку. Закрываю за собой дверь и запираю на ключ, хотя сама не знаю, от кого прячусь.

В глаза бросается статуэтка на полке. Меня пробирает дрожь – вспоминаю, как Эсме объясняла, откуда взялось непрокрашенное пятно на пятке. Беру статуэтку, взвешиваю в руке, словно проверяю, настоящая ли, и ставлю на шкафчик в гостиной. Тут же переставляю на каминную полку, слева от фотографии Эми. Композиция получается какая-то неустойчивая. Переставляю статуэтку вправо.

Багпусс улыбается мне с дивана. Сочинение Эсме подмигивает со стола. Беру и то и другое и медленно поднимаюсь по лестнице в комнату Эми. Покрывало и подушки смяты, шторы задернуты. Начинаю было застилать кровать, но затем просто снимаю постель и бросаю в корзину с грязным бельем.

Обмираю, подумав, что, может быть, Эми когда-нибудь снова будет спать на этой кровати. Мысль развивается. Малышке захочется сменить покрывало! Придется купить что-нибудь более подходящее для десятилетней девочки. Розовое, пожалуй.

А одежда? Самый модный спортивный костюм, фантастические вечерние платья, практичные зимние пальто, купальники, шарфы, школьная форма… Я распахиваю дверцы шкафа, выдвигаю ящики один за другим. Там темно и пахнет плесенью. И пусто. Пустота полна надежд, но до отказа набита сомнениями.

Пытаюсь сопротивляться воодушевлению, что охватило меня от мысли о предстоящих покупках, но не получается: желания бегут впереди логики. Ей нужны будут игры, книжки, игрушки и гаджеты – всякие штучки с экранами и наушниками. Я за десять лет задолжала дочери кучу подарков на дни рождения и Рождество, множество праздников, угощений, походов в театр и в кино. Теперь снова можно печь торты – со свечками и кремом. Можно забыть о готовых обедах на одного – вместо них будут горы соуса карбонара и курица, целиком зажаренная на медленном огне. Будет с кем ломать вилочку и загадывать

желание, будет кому тянуть с другой стороны праздничную хлопушку – нас теперь двое. Даже трое. Либби ведь тоже будет рядом.

Фантазии резко «тормозят», мысли и картинки нового будущего наталкиваются друг на друга. В голове у меня свалка, логика то сражается, то смешивается с надеждой.

Рывком распахиваю окно и глубоко вдыхаю холодный, густой воздух. Парк выглядит запущенным, дорожки кривые.

Падаю спиной на кровать и растираю виски. Вздрагиваю от резкого телефонного звонка.

– Миссис Арчер? – Это Либби.

Она шепчет, на заднем плане слышится какое-то жужжание.

Я быстро сажусь, мгновенно придя в себя. Вся ожидание и надежда.

– Либби. Наконец-то! Где вы? Что это за шум?

– Вентилятор в ванной.

– А почему шепотом? Говорите громче, я почти ничего не слышу.

Отбрасываю волосы назад и крепче прижимаю трубку к уху.

– Эсме спит, – говорит Либби все так же шепотом. – Она плохо провела ночь. Вчерашний вечер дался девочке нелегко. Как и мне.

– О нет! С ней все в порядке? – У меня на лбу собираются морщины.

Я удивлена тому, что тревожусь за ребенка, которого почти и не знаю, не говоря уж о том, чтобы доверять, но не могу отмахнуться от своих чувств к этой девочке, которая может оказаться моей дочерью. Прежние инстинкты никуда не делись.

– Учитывая обстоятельства, можно сказать, что да. – Голос у Либби отчужденный, усталый, даже скучающий.

– Я должна ее увидеть. Зачем вам отель? Поживите у меня, пока вы в Лондоне. Места тут много.

– Миссис Арчер…

– Бет, пожалуйста.

– Бет. – Она произносит мое имя как будто с трудом. – Вы слишком торопитесь. Подумайте об Эсме. О том, что это значит для нее. Что она чувствует. Нам следует быть осторожными.

– Но я должна ее увидеть! – Хочу произнести это умоляющим тоном, но он выходит скорее требовательным.

Либби медлит с ответом:

– Увидите. Сегодня днем. Но, думаю, не стоит нам больше приходить к вам домой. Пока не стоит. Она может не выдержать. К тому же надо поговорить. С глазу на глаз.

– Вы не можете запретить мне видеться с ней. – Я убираю волосы от лица и встаю с кровати.

– Вообще-то, могу. Я пока еще ее мать.

– Я тоже. – Меня саму пугает решительность этого заявления.

– Ни один тест ДНК этого не подтвердит, – резко говорит Либби. – В жилах у нее течет моя кровь. В свидетельстве о рождении, в графе «мать», стоит мое имя.

Мне не пришлось отстаивать права опекунства над Эми – к тому времени мы с Брайаном уже остались вдвоем. Но если бы пришлось, я бы выиграла. Однако сейчас другой случай: нельзя настраивать против себя Либби, но и отказаться от всех прав на Эми я тоже не могу.

– Но если вы не хотели, чтобы я участвовала в ее жизни, зачем пришли ко мне вчера? – спрашиваю я.

Либби снова молчит, как будто думает о том же самом.

– Так хотела Эсме. А я надеялась, что для нее так будет лучше.

– Даже если хуже для вас.

– Вот именно. Мать не может быть эгоисткой.

Голос у женщины торжествующий, словно она бросила на стол козырную карту или указала мне мое место. Напомнила, что ко мне это уже не относится. Я бывшая мать. Во мне закипает гнев.

Она говорит, что мы можем встретиться в Лондонском Тауэре в два часа.

– Там залили каток во рву. Вы и Эсме повидаете, и поговорить можно будет.

Придя, я вижу, что Либби сидит за столиком возле катка. Вид усталый, измученный. Под тесной шапкой без помпона лицо кажется еще более хмурым. Глаза у нее запали, но я вижу, что она плакала.

Заметив меня, женщина замирает, затем вздрагивает и потирает руки, скрывая неловкость, как будто все дело в погоде.

– Ну и холод, – говорит она.

– Так можно пойти ко мне, выпить чаю с пышками у камина!

Либби качает головой и показывает на каток:

– Такого у вас в саду нет. – Прищурившись, смотрит на катающихся. – Эсме нужно немного развеяться. А нам нужно, чтобы ей пока было не до нас.

Одни люди в разноцветных шапках и перчатках проносятся мимо, выдыхая белые клубы пара. Другие на нетвердых ногах ковыляют у самого края, то и дело хватаясь за бортик. На рыхлом искусственном льду следы коньков почти не видны, зато стук падения громче.

– Не вижу ее, – говорю я, приставляя руку козырьком к глазам.

– В дальнем конце. Как раз подкатила к повороту.

Замечаю: в толпе блеснул серебристый пуховик Эсме, ее волосы развеваются. Девочка стремительно скользит по льду, притормаживает, чтобы обойти впереди бегущих, проносится в миллиметре от них и так же уверенно катит дальше.

– Она всегда хорошо каталась. Вы бы видели ее на роликах!

– Видела, – просто говорит Либби и почти неуловимо качает головой.

Эсме с раскрасневшимися щеками подбегает к нам. Машу ей. Она запыхалась, учащенное дыхание вырывается изо рта, как эктоплазма. Девочка улыбается и разгоняется еще быстрее.

– Мама!

Это слово, будто пощечина, заставляет меня очнуться от обморока. Возвращает ощущение материнства. Вчера, когда она называла меня мамой, это звучало жестоко и неуместно. А теперь – знакомо и привычно, хотя наверняка ощущение окажется мимолетным, как облачко пара, вылетевшее изо рта Эсме вместе с этим словом.

Подхожу к бортику. Эсме описывает широкий круг и снова подлетает к нам. Ее коньки разрезают лед, взрывая белую крошку, которая звездной пылью рассыпается следом за девочкой. Стук ботинок о бортик эхом отдается у меня в сердце.

Эсме перегибается через бортик и протягивает ко мне руки. Инстинктивно я делаю то же самое, только замедленно, как в те дни, когда, бывало, отругав за

что-то совсем маленькую Эми, я постепенно смягчала суровость выговора ободряющими, успокаивающими объятиями.

Как только дочь оказывается в моих руках, я понимаю, что не в силах ее отпустить. Зарываюсь лицом в ее волосы, вдыхаю цитрусовый запах теплой влажной кожи. Неуклюжий пуховик мешает, и я сжимаю объятия крепче – нужно почувствовать ее тело, убедиться, что она настоящая.

– Дышать не могу! – говорит она и пытается освободиться.

– Бет, – говорит Либби. – Хватит. Она этого не любит.

– Глупости. Какой же ребенок не любит обниматься?

Но Эсме упирается локтями, дергает плечами – и наконец вырывается. Откидывается назад, потеряв равновесие. На миг кажется: сейчас упадет! Но она выпрямляется и уносится обратно в толпу.

– Я же вам говорила! – Либби злорадно ухмыляется. – Она не любит, когда слишком долго обнимают. Теперь не любит. Не то что раньше. А когда-то наобниматься со мной не могла, все ей хотелось дольше и крепче. – Женщина обхватывает себя руками. – Мне этого не хватает.

– Возраст такой, наверное.

Так приятно снова обмениваться с другой матерью стандартными замечаниями о детях!

– Ну, может быть, – с сомнением говорит Либби и резко указывает подбородком на скамейку рядом с ней. – Не будем терять время. У нее билет только на полчаса, а за дополнительное время я платить не стану, даже если бы и могла себе это позволить. Да ей и полчаса хватит, после такой-то ночи. – Короткий смешок. – И мне тоже.

– А хватит ли мне – неважно? – говорю я и усаживаюсь рядом.

– Дело касается не только вас, Бет. В каком-то смысле из нас троих о вас нужно думать в последнюю очередь.

Эти слова заставляют вспомнить нападки прессы: и тогда тоже из нас троих наибольшего сочувствия и внимания заслуживали Эми и Брайан, но никак не я. В иерархии страданий я была на третьем месте. С большим отрывом.

– Но я мать Эми!

В прессе такое заявление вызвало бы бурю насмешек…

– Верно, – кивает Либби. – Вы мать Эми. Пока хотите этого. Если вам надоест – а такое может случиться, – для малышки это будет пытка. А последствия разгребать мне. Мало мне до сих пор было с ней хлопот! У меня нет выбора – я мать Эсме. У вас выбор есть.

– Вы так говорите, как будто мне было легко.

Либби фыркает:

– Это еще даже не цветочки! Представляете себе, сколько будет сложностей? Сколько боли? Это будет невыносимо. Может, даже по-настоящему опасно для Эсме. Она ребенок все-таки. Вы должны об этом помнить.

– Как я могу забыть? – Я плотнее закутываюсь в пальто. – И обещаю, что никуда не уйду. Не могу я потерять Эми дважды.

– Надеюсь… – пожимает плечами Либби.

– Но если боитесь, что я вас подведу, зачем вообще ее ко мне привели?

Либби поднимает голову и смотрит в небо. Ее глаза наполняются слезами.

– Потому что моя ласковая милая девочка стала превращаться в кого-то незнакомого. Вместо малышки, которая обнимала меня, пускала пузыри в ванне, хихикала перед телевизором и жевала бутерброды с рыбными палочками… Вместо здоровенькой, умной и прилежной ученицы… – Она вытирает глаза. – Я

вдруг получаю нервную барышню, которая заявляет мне – и всем подряд, – что у нее есть другая мама, которая любит ее больше, чем я. То девочка на уроке ни с того ни с сего заливается слезами, то на перемене долбит ногой в стену, пока пальцы не собьет до синяков и крови. У нее вдруг начинаются жуткие припадки, после которых она рассказывает бог знает что, а потом обижается, что я ей не верю. – Женщина достает из кармана платок и сморкается. – И сквозь это все пробиваются черты моей прежней дочери. Той, что без капризов ела равиоли и любила Леди Гагу. Той, что помогала мне пылесосить и мыть посуду и позволяла прижиматься к ней, когда мы вместе смотрели «Кори». – Она резко поднимает взгляд и смотрит мне в глаза. – Вот поэтому я и привезла ее сюда. Чтобы попытаться все выяснить и, может быть, хоть как-то сделать ее счастливее.

Я медленно киваю. Хочу взять Либби за руку, но сдерживаюсь – она же наверняка ее отдернет.

– Извините, я ничего не знала. То есть… откуда мне было знать?

– Ну, так теперь узнали. Из первых рук. Все смятение, вся мука, что вы наверняка пережили за эту ночь, – все это только начало. Вы должны знать, на что подписываетесь, прежде чем я скажу Эсме, что вы поверили ей.

Я моргаю, не веря своим ушам:

– Хотите сказать, она до сих пор не знает?

– Именно.

Рука, которую я минуту назад готова была протянуть Либби, сжимается в кулак. Как она смела ничего не говорить девочке? Но я тут же понимаю: мать поступает так, как, на ее взгляд, будет лучше для ее ребенка. Так, как я сама поступила бы на ее месте. Да, может, для Эсме и правда лучше думать, что я не верю ей, – я ведь и сама еще точно не знаю, верю или нет.

– Не хочу давать ей надежду, пока не буду на сто процентов уверена, что вы понимаете, с чем имеете дело, – твердо говорит Либби. – Как я уже сказала, можете передумать и уйти. У меня такой роскоши нет. – Она наклоняется ко мне. – Мне немало времени понадобилось на то, чтобы это хоть как-то уложилось в голове. У вас на это был всего один день, насколько я знаю. Как же вы можете

быть уверены, что не выдаете мечты за действительность?

Я невольно начинаю смеяться:

– О таком я точно не мечтала.

– Правда? Разве это для вас не второй шанс? Мучительный, невероятный – да, конечно, но лучше, чем никакого!

– Нет, – качаю я головой, – не лучше, если нет чувства, что все настоящее. Вот тут, понимаете? – Моя ладонь замирает над сердцем, но не касается груди. – Пусть я давно уже не мать, инстинкты остались.

Либби откидывается назад и выдыхает струю ледяного воздуха.

– Так что же изменилось? – спрашивает она.

– Хотите, чтобы я рассказала?

– Нет. Я хочу, чтобы вы убедили меня.

– Это смешно, – произношу я резко, сердито вскидывая голову.

– Вы и вчера так говорили. Вот я и спрашиваю: что изменилось?

Меня злит, что она требует каких-то доводов, но я понимаю ее. И к тому же, если произнести их вслух, может быть, они станут убедительнее и для меня самой.

Убираю волосы от лица и сажусь прямо.

– Ее воспоминания, – говорю я. – Детали, которые ей известны. Все в десятку, а в прессе ни одна из них не упоминалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/r-s-peytman/vtoraya-zhizn-emi-archer-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Трейси Бикер – героиня повестей современной английской детской писательницы Жаклин Уилсон. – Здесь и далее прим. ред.

2

Кот Багпусс – один из самых любимых мультяшных героев английских детей, созданный знаменитым мультипликатором Оливером Постгейтом.

3

Почтальон Пэт – герой популярного английского мультсериала с одноименным названием.

4

Фирменное кондитерское изделие, светло-желтая карамель.

5

«Миссис Даутфайр» – комедия американского режиссера Криса Коламбуса.

6

Блэкпул – город на северо-западе Англии, на побережье Ирландского моря. Один из немногих городов мира, где сохранились в первозданном виде электрические трамваи. В мае здесь проходит знаменитый Блэкпульский танцевальный фестиваль, а в начале осени – Blackpool Illuminations, фестиваль света мирового масштаба.

7

Имеется в виду восьмибалльная система оценок, практикующаяся в некоторых учебных заведениях Великобритании: A, B, C, D, E, F, G и U («неуд», от англ. Unclassified) по нисходящей.

Купить: https://tellnovel.com/r-peytman/vtoraya-zhizn-emi-archer-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити